Федорченко

ЗАСУЛИЧ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН242
ФР293

Возвратите книгу не позже обозначенного здесь срока.

К книге относитесь бережно.

БИБЛИОТЕКА
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
В БИОГРАФИЯХ

Л. С. ФЕДОРЧЕНКО (Н. ЧАРОВ)

ЕН242
Ф293
1960
054

Вера Ивановна ЗАСУЛИЧ

92
З-36

НОВАЯ МОСКВА

НОВАЯ МОСКВА

В. И. Засулич.

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ
под общей редакцией МК РЛКСМ

Серия „РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В БИОГРАФИЯХ"
Под редакцией Ф. Кона, Виленского-Сибирякова и Шестакова (Никодима)

9097
92
3 36
ЕН 242
ф 293

Л. С. Федорченко (Н. Чаров)

Вера Ивановна ЗАСУЛИЧ

Жизнь и деятельность

„НОВАЯ МОСКВА"
1926

2 экз

ЕН242
Ф293 Р

192425

Тип. Изд-ва „Правда" и „Беднота". Москва, Яузский мост, Серебряническая наб., д. 23а. Мосгублит 2004
Тираж 10.000.

Жизнь и деятельность.

I.

Как-то Ильич, по словам Н. К. Крупской, так выразился о В. И. Засулич, когда Н. К. только еще в первый раз приехала в Мюнхен, где тогда находилась редакция газеты «Искра»: «вот ты увидишь Веру Ивановну, это—кристально чистый человек». И это мнение Ильича было мнением не только единомышленников и товарищей В. И. Засулич, близко знавших ее, но и всех тех, кто так или иначе соприкасался с нею. Что прежде всего бросалось в глаза, так это именно высокая моральная красота в обаятельной личности Веры Ивановны Засулич, невольно покорявшая всякого, кто имел счастье хоть раз сталкиваться в жизни с нею. И эту красоту В. И. Засулич сумела гордо пронести, как факел сияющий, сквозь все бури и грозы своей революционной жизни.

Высшим судом для ее товарищей было ее мнение о том или ином поступке или факте ре-

волюционного быта. И к ней, как к последней инстанции, обращались всякий раз, когда возникало какое-либо сомнение в оценке поведения того или иного товарища или близко стоявшего к революционной деятельности того или иного человека. Удивительное чутье правды и красоты уживалось гармонично в ней с непоколебимой твердостью в служении интересам революции, которая для В. И. Засулич являлась высшим законом в столь богатой фактами и идеями ее революционной жизни.

Вера Ивановна Засулич, это—воплощение в истории нашего революционного движения целых эпох, от утопического до научного социализма включительно. Господство утопического социализма простиралось на 60, 70 и начало 80 годов прошлого столетия, когда думали посредством героических действий кучки «критико-мыслящих личностей», стоявших над темной, неорганизованной массой крестьянства, совершить социалистическую революцию и тем самым обойти начавшийся тогда процесс капитализации, родивший в своих недрах современный революционный пролетариат. Наконец, эти идеи, начиная с 83, 90, 900 годов, уступили место идеям научного социализма, что вне капиталистического развития нет для России другого пути развития, что «ссвобождение рабочего класса может быть только делом рук этого самого класса», и что револю-

ция в России восторжествует только как революция рабочего класса.

Вера Ивановна Засулич начала свое революционное развитие в конце 60 годов прошлого столетия, когда идеями утопического социализма была насквозь пропитана тогдашняя русская революционная среда. И это вполне соответствовало тем неразвитым еще общественным отношениям в России, когда бесформенной массе крестьянства не мог еще быть противопоставлен пролетариат города, еще находившийся тогда в самом зародыше. Тогда естественно было поставить «личность» на пьедестал, наделив ее «чудесными» свойствами, могущими повернуть колесо истории по своему произволу.

И, конечно, личность «эта была из промежуточных слоев» населения, либо так наз. разночинцы, в которых заговорила оскорбленная веками крепостного рабства честь, либо уязвленная «совесть» «кающегося дворянина», желающего за свое вековое привилегированное положение оплатить освобожденному от крепостного рабства народу свой исторический долг.

Вот именно из этих-то слоев, главным образом, и вербовались наши первые революционеры на протяжении 60, 70 и начала 80 годов прошлого столетия.

Идеями этой среды окрашивались все возникавшие в те годы политические партии, группы и фракции.

Эти же идеи безразлично господствовали в теориях идеологов того времени, не взирая на то, был ли то анархизм Бакунина, или социализм Лаврова, или якобинизм и бланкизм Ткачева.

При всем своем теоретическом различии, все эти системы были друг другу родственны по тому утопическому духу, которым они были пропитаны насквозь.

Все эти политические и революционные системы, за отсутствием в реальной действительности настоящей и единственной революционной силы в лице современного пролетариата, воспитывали веру в чудесную силу личности, способной перевернуть сверху донизу весь мир старых общественных отношений и могущей заставить историю работать в пользу ее идеалов.

На фоне жизни этих эпох утопические идеи создавали среди интеллигенции, вышедшей из разночинной и дворянской среды, напряженную революционную атмосферу, зовущую к подвигам и жертвам.

Вся тогдашняя русская литература была богато насыщена этими идеями.

Учащаяся молодежь этих эпох воспитывалась на идеях Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Лаврова, на идеях утопического социализма Фурье и Сен-Симона, на поэзии Некрасова, на художественной прозе беллетристов-народников— Глеба Успенского, Н. Златовратского, А. И. Ле-

витова, и позднее на Щедрине и Михайловском первого периода.

Все это было в духе тех ушедших в даль истории эпох.

Тогда еще К. Маркса и Энгельса не знали, ибо и 1-й том «Капитала» на русском языке появился только в 70 годах, а о «Критике некоторых положений политической экономии» К. Маркса («Zur Kritic»), где в предисловии К. Марксом даны философские обоснования диалектического материализма, знали немногие, да и то только по той рецензии на эту книгу, которую дал П. Н. Ткачев в журнале «Русское Слово» за 1865 г.

Само собой разумеется, что и В. И. Засулич начала свое развитие с утопического социализма, который лежал в основании революционных увлечений 60 годов.

Еще очень молодой девушкой, только что вышедшей из частного женского пансиона в Москве, где она воспитывалась, мы ее видим уже в Петербурге, куда она переехала из Москвы, в качестве работницы в одной брошировочной мастерской, основанной на артельных началах.

Это было в 1868 или 69 году, когда В. И. не было и двадцати лет.

Она, судя по «Воспоминаниям», снабженным примечаниями ее друга Л. Г. Дейча и напечатанным в журнале «Былое» за 1919 г. в № 1¼,

родилась 24 июля 1849 г. в д. Михайловке, в имении матери, Гжатского уезда, Смоленской г.

Попала она в брошировочную мастерскую потому, что в этом она тогда видела для себя путь к самостоятельной жизни.

Многие женщины ее возраста того времени в Петербурге устраивали по типу Веры Павловны из популярного тогда романа Чернышевского «Что делать» швейные мастерские на кооперативных началах, видя в этом путь борьбы за социализм.

В. И. Засулич, прожившая в «дворянском гнезде» свое детство и воспитавшаяся на руках теток и гувернанток, очень рано между тем почувствовала себя «чужой» всей окружавшей ее обстановке дворянского типа.

Ее удручал «сон кругом глубокий» и вялая размеренная обломовская жизнь барского двора, и это несмотря на то, что крепостное право не проявляло себя здесь теми безобразными, но обычными для него сторонами, как повсюду.

По словам ее дневника, имение, в котором она жила, было из самых благоустроенных в округе. Большинство крестьян—на оброке, ходили на заработки в Москву, верст за 120—130. Главные доходы, кроме оброка—скотный двор, конский завод, птицы, плодовый сад, оранжерея. Все это до деревни не касалось, а было на руках у дворовых, очень многочисленных: целая улица дворовых изб. Что с дворовыми отношения были

недурные, доказательство, что все остались на своих местах, и хозяйство не изменилось, и ничуть не сократилось; «что не было никаких наказаний, это—наверное. Я знала бы об этом от дворовых ребят и, наверное, бы запомнила».

Интересно отметить, что окружающая обстановка, пропитанная религиозным ханжеством гувернантки, которая не прочь была прибегнуть к розгам, как к воспитательному средству, мало способствовала развитию ребенка. Но у Веры Ивановны рано между тем пробуждается критическое отношение к действительности.

Первым долгом критика ее направилась по отношению к религии. Сначала она отказывается от непонятного, скучного, немного страшного мимининого (фамилия гувернантки) «бога, для которого нужно есть постное, бормотать молитвы», и затем шаг за шагом она приходит к заключению, что и религия вообще не нужна для человека. «Года через четыре я уже не верила в бога», пишет в своих «Воспоминаниях» В. И. и легко расстается с этой верой. «Жаль было сперва будущей жизни «вечной жизни» для себя, но жаль только, когда я думала специально о ней, о прекрасном саде на небе. Земная от этого хуже не становилась. Наоборот. Одновременно с этим я определяла свою «будущую жизнь» на земле, и так она вставала предо мной бесконечная. В 15 лет и 1 год кажется огромным временем».

В. И. Засулич (17 л.) до Нечаевского процесса.

И дальше, в том же дневнике, В. И. пишет, «как началось это приобретение будущей жизни на земле». «Постепенно, издавна, черта за чертой складывалась она передо мной, далекая, еще неясная в сияющем тумане, но несомненная для меня. Мне кажется, что лично меня толкало жадно ловить все, что говорило о каком-то будущем. Мое отвращение от будущего, которое сулили мне сложившиеся общественные отношения, о которых упоминалось в Биколове (деревня, где воспитывалась В. И.) — гувернантка (т.-е. стать гувернанткой). Все, что угодно, только не это... Еще до революционных мечтаний, даже до пансиона (В. И. из Биколова лет 15 отвезли в Москву, где поместили в частный пансион), я строила глупые планы, как бы мне избавиться от этого (чтобы не стать гувернанткой). Мальчику в моем положении было бы, конечно, легче, для его планов будущего широкий простор. И вот этот далекий призрак революции сравнял меня с мальчиком: я могла мечтать о «деле», о «подвигах», о «великой борьбе»... в стане погибающих за великое дело любви. Я жадно ловила все подобные слова в стихах, в старинных песнях: «скорее дадим друг другу руки и будем мы питать до гроба вражду к бичам земли родной». В стихах иногда, даже там, быть может, где в мыслях автора было другое, находила желательный для себя смысл, напр., у своего любимого Лермонтова, и, конечно, у

Некрасова. «Откуда-то попала ко мне исповедь Наливайки-Рылеева (мне кажется, говорит В. И., она была в первом издании большой трехтомной хрестоматии, по которой мы проходили литературу; из второго, вышедшего после польского восстания, было много выкинуто, отрывок, например, из «Валенштейна», который я тоже знала наизусть) и стала одной из главных моих святынь: «известно мне; погибель ждет того, кто» и т. д. И судьба Рылеева была мне известна. И всюду, всегда все героическое—вся эта борьба, восстания—было связано с гибелью, со страданием: «Есть времена, есть целые века, когда ничто не может быть прекраснее, желаннее тернового венца». Он-то и влек к этому «стану погибающих, вызывал к нему горячую любовь», и несомненно, что эта любовь была сходна с той, которая являлась у меня ко Христу, когда я в первый раз прочла евангелие. Я не изменила ему: он самый лучший, он и они достаточно хороши, чтобы заслужить терновый венец, и я найду их и постараюсь на что-нибудь пригодиться в их борьбе. Не сочувствие к страданиям народа толкало меня в «стан погибающих». Никаких ужасов крепостного права я не видала, а к бедным я сперва поневоле, с горькой обидой, потом чуть не с гордостью сама себя причисляла—а что пока я живу, как богатая, это я своей бедой, а не привилегией считала». Вот еще когда у Веры Ивановны зародилось вслед за критикой

религии героическое, революционно-утопическое настроение, желание «тернового венца», который можно обрести вместе с погибающими, в их стане. Но сначала нужно найти «погибающих». И В. И., у которой это настроение развивалось в продолжение учения в частном пансионе в Моксве, когда она читает такие статьи, как примечания Н. Г. Чернышевского к Д. С. Миллю—очень популярные в шестидесятых годах—совершенно самостоятельно от других представителей молодежи той эпохи начинает задумываться над исканием путей к этим «погибающим». И уже, конечно, среди этих путей, пути гувернантки не может быть.

После окончания частного пансиона в Москве, В. И. Засулич едет в Петербург, который манит ее пылкое воображение широкой умственной жизнью: там выходят лучшие толстые журналы того времени, там кипит настоящая жизнь, там она среди такой же, ищущей молодежи найдет и свой путь.

И она в Петербурге работает в брошировочной мастерской, основанной на кооперативных началах, на началах трудовых. Она на этом пути добьется своего. Она жадно всматривается в окружающую жизнь, читает, заводит знакомства среди учащейся молодежи, будущее рисуется в розовом привлекательном свете.

В то время возникают среди студенчества различные кружки саморазвития. Учащиеся препо-

дают в воскресных школах. И вот раз произошло у В. И. Засулич знакомство, которое окончательно ввело ее в тот «стан погибающих», о котором она мечтала раньше.

В дневнике В. И. говорит об этом так: «Этот год—семнадцатый год моей жизни—был полон самой напряженной внутренней работы. Я окончательно взяла судьбу в свои руки. На Васильевском острове, кажется, в Андреевском училище, для готовившихся в учителя давали предметные уроки обучения по звуковому методу; Черкезов (известный тогда владелец библиотеки, в которой тогда служил зять В. И.—муж ее сестры, привлекавшийся вскоре по известному делу знаменитого революционера С. Нечаева) познакомил меня с учителем, и я стала ходить на эти уроки. Однажды учитель зазвал нас—человек 7—8 из слушателей, и меня в том числе—в свою квартиру: «Надо поговорить о том, что следует читать учителям, чтобы приготовиться к своей деятельности». Выбрали вечер. Собралось нас в маленькой комнатке человек 10. За столом всем нехватило места. Несколько человек сидело в сторонке на кровати, отдернув закрывавшую ее занавеску на шнуре. Эти учителя были все очень молоды, не старше меня самой, и раньше не представлялись мне особенными мудрецами; теперь из начинавшихся разговоров я увидела, что они очень мало знают, меньше меня самой. Моя застенчивость быстро исчезла поэтому, я начала вмешиваться, и

оказалось удачно. Меня слушали, и большинство становилось на мою сторону. Кто-то предложил читать по педагогии и назвал какую-то книгу. Один из сидевших в стороне, на кровати, лицо которого показалось мне незнакомо (Яковлев назвал его учителем приходского Сергиевского училища), возражал. Я присоединилась к нему. Сторонники чтения по педагогии были немедленно побеждены. Педагогия—педагогией, но важнее самим педагогам хоть немного разбираться в вопросах жизни. Но что же читать? Все как-то приумолкли на минуту. Я начала тогда называть достойное, по-моему, прочтения: «Исторические письма» Миртова (П. Л. Лаврова), печатавшиеся тогда в «Неделе», Милля с примечаниями Чернышевского, которого я в это время читала по вечерам, придя с работы. Пыталась я его читать еще в пансионе, но тогда дело шло плохо—книга и тогда казалась мне понятной, но недостаточно интересной. Теперь я читала его так, как когда-то уроки учила: прочту главу и расскажу самой себе ее содержание.

Под конец, читая Милля, я начала угадывать заранее иногда, что именно возразит на то или иное место Чернышевский, и, когда удавалось, была очень довольна. Все, что называла, заслуживало полного одобрения Яковлева, нового господина на кровати, и одного наиболее речистого из учеников, остальные молчали.

Начала их расспрашивать, что они уже читали, и оказалось, что очень мало; некоторые читали кое-что из Писарева, но ни один не читал Добролюбова. Я сказала, что моя любимая статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день». — А когда же он придет?—спросил один из учеников. Я сказала, что Добролюбов думает, что при поколении, которое «вырастет в атмосфере надежд и ожиданий». «При нас, значит»—заметил господин на кровати. Когда расходились, он отрекомендовался мне Нечаевым и просил притти в Сергиевское училище.—«Что же, там тоже учителя собираются?—спросил я.—«Нет, учителя не собираются, но надо нам потолковать».

Через месяц или два имя Нечаева знало все студенчество и все общество, интересовавшееся студенческими историями. Но в это время оно не говорило мне ничего. Пойти на его приглашение я не собралась. Чуть ли не с самого появления саратовцев, я уже слышала, что в этом году непременно будут студенческие волнения. Почему, для чего—этого я добиться не могла, но этому радовались, и я готова была радоваться».

Первый серьезный революционер, с которым тогда встретилась В. И. Засулич в Петербурге, был С. Г. Нечаев. В это время В. И. Засулич, как видно из дальнейших слов ее дневника, уже считала, что служить революции—величайшее счастье, о котором она только смела мечтать.

Чтение критических статей Добролюбова, в которых этот талантливый критик призывал русскую интеллигенцию пробуждать самосознание только что освобожденного от крепостного права крестьянства, с целью создания в России революции, а также чтение статей—кумира молодежи того времени—Чернышевского, отправленного в то время царским правительством на каторгу, и других вождей той эпохи довершили революционное развитие В. И. Засулич, жадно искавшей «дела». И когда Нечаев при одной из своих встреч с В. И. рассказал ей о своем плане произвести в скором времени в России революцию и попросил у нее ее адрес, то она с готовностью согласилась удовлетворить его просьбу, сказавши при этом Нечаеву: «я ведь очень мало знаю и очень хочу что-нибудь делать для дела. Я не верю, чтобы из этого вышла революция именно, но ведь я и никакого другого пути не знаю; я все равно ничего не делаю и буду рада помогать, чем только смогу». Нечаев в это время был руководителем студенческих беспорядков в Петербурге. Но замышлял он уже в это время действительно произвести в России революцию, которая представлялась ему в виде всенародного бунта, руководимого тайными заговорщическими кружками. В. И. Засулич, хотя и не особенно верила в близость революции средствами, какие проповедовал Нечаев, но ей было достаточно уже одного

того, что Нечаев был истинный революционер, т.-е. человек, признавший, что только путем жестокой и непрерывной борьбы с правительством и эксплоататорами народными, можно рассчитывать на улучшение положения народа. Поэтому и понятно, почему она так легко согласилась тогда, несмотря на свой природный критический ум, помогать С. Г. Нечаеву. «В центре стоял народ и жертвы за него, и «стан погибающих»...

Утопическое настроение молодой В. И., питавшееся и книгами, и жизненными условиями того времени, вполне удовлетворялось перспективами, какие сулило движение, создавшееся вокруг Нечаева в Москве и Петербурге. Она в это время искала всем трепетом души революционного дела, которое окружалось в ее глазах ореолом героизма. Она дала свой адрес для переписки Нечаеву. Но в то же время отказалась ехать с ним в Швейцарию, ибо лично ей он, как человек, допускавший и широко проводивший принцип «цель оправдывает средства» и не стеснявшийся ничем при проведении этого принципа, уже и тогда вызывал сомнения, хотя все другие шли слепо за ним. Эта черта самостоятельности и критики и тогда уже давала себя знать в характере Веры Ивановны, для которой революция с этой стороны была той женой Цезаря, которой не должно касаться подозрение.

Нечаев, в интересах дела, находил возможным обманывать не только товарищей по своей орга-

низации, посвящая их только в ближайшую функцию, но и таких известных тогда вождей революции, как М. А. Бакунин, А. И. Герцен и др., рассказывая им о движении в России чудовищные, фантастические вещи, рисующие тогдашнее революционное дело в страшно преувеличенном виде. Вся организация была создана по такому принципу карикатурного централизма, что все исходило лично от Нечаева, и никто в организации не знал, для чего это нужно, и не имел права интересоваться этим. Все слепо и беспрекословно подчинялись всем распоряжениям одного Нечаева.

Возражения ему со стороны членов организации рассматривались им, как попытка погубить самое дело, и, конечно, карались им со всей строгостью законов военного времени. Им был убит студент с.-х. Петровской академии в Москве Иванов, как вредный член организации, вся вина которого, между тем, заключалась только в том, что он на собраниях часто возражал Нечаеву. Как известно, это убийство и послужило поводом к раскрытию и провалу всей Нечаевской организации, в которую было втянуто больше 100 человек, и среди них такие, как писатель П. Н. Ткачев, известный впоследствии русский бланкист, издававший за границей свой орган «Набат». Приемы Нечаевской деятельности были осуждены всеми выдающимися революционерами той эпохи, и в том числе и М. А. Бакуниным, и еще

более К. Марксом, который в борьбе с анархистом Бакуниным в I интернационале поставил в вину ему близкое сношение его с Нечаевым, когда последний был за границей.

В программе «Народной расправы», как назвал свою организацию Нечаев, он откладывал революцию от сезона к сезону.

Программа революционных действий Нечаева, несмотря на свою наивность, политическую и социальную, коренилась и вытекала из тех общих представлений, какие присущи были интеллигенции 60 годов, взбудораженной переломом от крепостничества к эпохе капитализма. В основе этих представлений внеклассовое построение общества и народа, ложное представление о силе человеческой личности, наделявшейся сверх'естественными свойствами, могущей двигать горами, и отсутствие сознания закономерности в развитии исторических явлений. Отсюда, конечно, представление о революции, как о таком факте политики и истории, который можно произвести, когда угодно и при каких угодно условиях. Все дело в желании, в смелости, в воле отдельных одаренных революционной энергией людей. Революцию можно, следовательно, вызвать, лишь бы была охота. Дело только за руководителями, которым слепо должна повиноваться масса людей. Предполагается, что масса всегда носит в себе способность к революционному восстанию. Революция может неудаться

только по причине технической оплошности, какую всегда можно устранить, если вожди масс будут стоять на высоте своих тактических и стратегических способностей. Отсюда преклонение перед вождями и преувеличение своих сил вождями, обожествление в своих собственных глазах своих сил и прав на эту массу, как на слепое орудие, которое в руках вождя может сыграть роль революционного титана. Об'ективные, внешние условия не играют почти никакой роли, и потому можно революцию передвигать от осени к весне, и наоборот. Такие представления были господствующими в описываемую эпоху. Все своеобразие Нечаева и его дела коренилось глубоко в эпохе и об'яснялось ею. Вот почему это дело так всколыхнуло тогда всю интеллигентную Россию и захватило в свои недра так много выдающихся людей того времени, в том числе и В. И. Засулич.

В. И. Засулич, правда, не с головою шла в это дело; она вошла в него насторожившись, но, тем не менее, свою революционную деятельность она начинает среди нечаевцев, среди которых были у нее и приятельницы, как Томилова и сестра Нечаева—Анна.

Как Нечаев ни старался ближе втянуть в дело В. И., почуяв в ней большую силу, однако ему это не удалось. Как описывает сама В. И. Засулич в своем дневнике, Нечаев не остановился для того, чтобы крепче связать ее со своей организацией,

даже признанием ей в своей любви. Вот как описывает это В. И. Засулич. После того, как В. И. дала Нечаеву свое согласие на пользование ее адресом в интересах организации, Нечаев вышел в другую комнату и вскоре, возвратившись опять к Засулич, вдруг несжиданно сразу сказал ей: «я вас полюбил». «Кроме изумления и затруднения, как ответить, чтобы не обидеть, я ровно ничего не чувствовала и еще раза два прошла по комнате.— Я очень дорожу вашим хорошим отношением, но я вас не люблю—ответила я, наконец.—Насчет хорошего отношения, это—чтобы позолотить пилюлю, что ли?—я не ответила. Он поклонился и вышел». Об'ясняя этот инцидент, В. И. Засулич пишет в дневнике. «Позднее я убедилась, что инстинкт мне подсказал правду. Нежные отношения, в которых не обошлось без признания в любви, были у Нечаева и в это время и скоро после за границы, в Москве. Невероятно, чтобы при этом огромном деле (в его намерениях, по крайней мере), которое он предпринял, полагаясь на одного себя—в его душе оставалось место для нескольких «любвей» или ловеласничанья. Вероятнее, что в некоторых случаях он признавался в любви, когда считал это нужным для дела. По заповеди «катехизиса революционера»—«революционер — человек обреченный: для него нет ни любви, ни дружбы, никаких радостей, кроме единой революционной страсти. Для революционера не должно быть ни-

какой нравственности, кроме пользы дела. Нравственно все то, что способствует революции; безнравственно все, что ей мешает». Если эти заповеди во время процесса вызывали и смех и злобу—так мало соответствовали они тому, что вышло в действительности—то для самого-то Нечаева «катехизис революционера» имел, мне кажется, реальное значение. В том же документе «содействию женщин» придается огромное значение. Но в предприятии, как он его задумал, помощь делу совпадала с помощью ему, с исполнением его внушений. При этом и тогда уже (то-есть в 1869 г., когда Нечаев еще играл только роль организатора студенческих волнений, до отъезда своего за границу для свидания с Бакуниным. Л. Ф.) обман играл большую роль в его расчетах. Меня он, вероятно, еще раньше задумал взять с собой за границу для помощи в различных сношениях. Ведь он случайно считал меня гораздо бойчее, развязнее, чем я была. Могла ему я пригодиться и знанием языков. Если бы я выказала полнейший фанатизм, беззаветную приверженность к его планам, он, быть может, позвал бы меня за границу и без признания в любви. Мою склонность сомневаться, хотя бы и при готовности помогать, он попытался уравновесить признанием, а когда и это не удалось, отложил намерение. Потом, однако, он все-таки прислал требование, чтобы я ехала за границу, но письмо

В. И. Засулич в ссылке по Нечаевскому делу.

было перехвачено, и узнала я о нем только в тюрьме».

Когда возникло Нечаевское дело, то жандармы захватили и В. И. Засулич, но в числе подсудимых, привлеченных по этому делу, она не фигурировала на суде. Ее царское правительство засадило сначала на год в Литовский замок, а затем держало год в Петропавловской крепости, расправившись с ней в административном порядке, так как никаких поводов для привлечения ее к суду не было. Но, тем не менее, по выходе ее из тюрьмы и крепости, царское правительство не оставляет В. Засулич без своего попечения, чуя в ее лице грозную против себя силу, и на другой день освобождения схватывает ее и отправляет в ссылку в г. Крестцы, Костромской губ. Из Крестцов ее отправляют в Тверь, в Солигалич, в Харьков.

Таким образом началась ее бродячая поднадзорная жизнь. У нее делались бесконечные обыски, ее задерживали, арестовывали. Но это только еще более закаляло ее революционную энергию, волю к борьбе и противодействиям. Она крепла и мужала в положении затравленного волка. Она почувствовала с этих пор бесповоротно, что ее жизнь целиком принадлежит революции и народу. И она в душе благословляла тот день и час, когда она впервые в Петербурге встретилась с революционной средой в лице Нечаева и его товарищей.

И она нашла себя, она почувствовала, что нашла свою дорогу, что другой жизни для нее и быть не может. И несмотря на свою обычную скромность, она внутри себя ощутила сил непочатый край, чтобы возложить на себя трудную и ответственную задачу борьбы за освобождение народа.

Молодые юные мечты пойти в «стан погибающих», под влиянием расширяющегося жизненного опыта, приобрели более реальные очертания и формы.

Попав в ссылку 20-летней девушкой, В. И. Засулич начала каждую минуту использовать, чтобы свои чувства любви и ненависти укрепить теоретическими познаниями из области политической экономии, социологии, философии, критики и публицистики. Несмотря на тяжелую обстановку, она с жаром отдавалась делу своего самообразования. Ей посылали книги и журналы из Петербурга мать, сестра и оставшиеся на свободе товарки. И она за чтением их не замечала тяжести жизни в таких дырах, как Крестцы и Солигалич. Перед ее очарованным взором расстилался заманчивый мир высоких идей. Ее умственные и духовные кругозоры все более и более расширялись. Ее влекло как можно скорее отдать свои познания тем, кто нуждается в них, как в орудии борьбы за свое освобождение. Она постепенно пришла к тому учению, которое в центре своем ставило интересы всего крестьянства, как самого обделен-

ного в то время сословия и в то же время и самого революционного по теории как Бакунина, так и русских народников того времени. Крестьянство, сохранившее в своем хозяйственном строе общину, представлялось народникам способным после революции прямо перейти к социалистическим формам производства и распределения, ибо община рассматривалась ими, как ячейка, из которой должен вырасти социалистический строй. Нужно только поднять крестьянство на восстание путем организации повсеместных бунтов на почве насущных повседневных нужд его.

Вера Ивановна, перебравшись на юг России, после своих высылок примкнула к кружку «Киевских бунтарей», членами которого были такие замечательные революционеры, как М. Фроленко, Лев Дейч, Я. Стефанович, М. Коленкина, Дебагорио-Мокриевич. Этот кружок, сыгравший большую роль в истории революционного движения, шел под знаменем М. Бакунина, тогда как рядом с ним существовали еще кружки лавристов, или пропагандистов, которые группировались вокруг программы П. Л. Лаврова, другого влиятельного вождя и теоретика революционной молодежи 70 годов.

Между программой Бакунина и Лаврова существовало то сходство, что они обе об'единялись одной великой целью. Эта цель—социальная народная революция, осуществленная не только в о

имя народа для народа, но и посредством народа. Инициатором в этом великом деле должна быть русская революционная молодежь. Это—неоплатный долг интеллигенции перед народом—положение, установленное П. Л. Лавровым (Миртовым) еще в 1869 г. в его «Исторических письмах», печатавшихся тогда в «Неделе» П. А. Гайдебурова, и ставшее с тех пор краеугольным камнем программ различных фракций в нашем революционном движении 70 годов. Сходясь в общей цели, лавристы и бакунисты, однако, расходились во всем остальном.

Лавристы, по учению Лаврова, требуют мирной серьезной и продолжительной пропаганды социалистических идей в народе с тем, чтобы этим «подготовить успех народной революции, когда она станет необходимой, когда она будет вызвана течением исторических событий и действиями правительства».

Бакунисты же говорили: «мы имеем полную веру в инстинкты народных масс и понимаем революцию, как организованный взрыв того, что называется революционными страстями, и как разрушение того, что на том же буржуазном языке зовется общественным порядком» (из прокламации «К русским революционерам»—взято из книги О. В. Аптекмана «Общество Земля и Воля 70 годов»). Всякий из нас должен понять—говорили бакунисты—что в деле революции самый знающий

и самый умный человек, даже гений, может дать массам лишь то, что они уже заключают в себе в своих действительных нуждах, инстинктах и стремлениях; только осмысленную формулу того, что они чувствуют и желают. Кто действительно знает народ, тот знает и то, что каждому из нас приходится более получать уроков от народа, чем давать их ему. Всякий из нас должен понять, что время выдающихся личностей прошло. Владычество личностей было совершенно естественным и логичным в политических революциях, так как всякая такая революция имела целью замену одного правительства другим. Оно совершенно неуместно и невозможно в социальной революции, которая, имея единственною целью освобождение масс, должна уничтожить самый принцип власти. В социальной революции может быть место только для коллективной мысли, воли и деятельности.

Программа эта не наша—это программа народа, ясно выраженная во всех его стремлениях. Народ всегда и везде шел этим путем; всегда и везде отклоняли его с этого пути, единственно верного, люди личной инициативы, мечтавшие о возможности учить народ; только та революция восторжествует, где учителей этих не будет. Поэтому, повторяем, что эта программа не есть новая, выдуманная нами форма, к которой мы хотим приноровить действия народа; это—результаты изучения народа, народных инстинктов и идеалов, от-

рицание всякой опеки, всякого руководительства народом.

Таким образом бакунисты, в отличие от лавристов, «опираются на народные инстинкты и интересы, народные стремления и идеалы, требуют агитации в народе «действием», «бунтами», организации в народе «боевых дружин» путем об'единения лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей между собой» с целью вызвать всеобщее народное восстание.

Само собой разумеется, что бакунизм в 70 годах должен был привлекать к себе симпатии большинства русской молодежи, как более действенное и активное учение, а не лавризм, носивший даже несколько академический характер.

Бакунизм явился большим шагом вперед по отношению к революционным течениям 60 годов, включая сюда и нечаевщину, хотя последняя и вышла в сущности также из бакунинского учения.

Бакунизм в 70 годах дал живой выход той революционной энергии и революционным настроениям, какие были накоплены тогда в среде русской революционной молодежи. Он перенес сравнительно с предшествующей эпохой революционные идеи с отвлеченной почвы на почву живой русской действительности и, казалось, тогда лучше отвечал на вопрос «Что делать», чем лавризм.

Понятно, что В. И. Засулич могла тогда примкнуть только к бакунизму в форме кружка киевских бунтарей, которые приступили тогда к выполнению больших революционных планов среди южного крестьянства, где, по их мнению, живы еще были воспоминания и о вольном казачестве и о др. пережитках, ушедших в историю эпох.

В. И. Засулич с этого времени перешла на нелегальное положение и так как ей, как и другим революционерам той эпохи, приходилось «итти в народ» и жить его жизнью, она должна была переменить и свой внешний облик интеллигентной женщины на облик простой деревенской.

II.

Эпоха 70 годов прошлого столетия вписала одну из блестящих, вдохновенных страниц в историю русского революционного движения в России. Никогда русская интеллигентная молодежь впоследствии не переживала такого высокого революционного под'ема, как в особенности в эти годы. Все выдающиеся наши историки, начиная со Степняка-Кравчинского и кончая Л. Дейчем, в один голос утверждают это. Революционная молодежь была охвачена и возбуждена лозунгом паломничества «в народ». При этом идущие в деревню и селившиеся среди народа в качестве представителей различного рода ремесленного труда, сапожников, слесарей, кузнецов, портных, а также

представителей мелкой и разносной торговли, почти все были под обаянием учения М. Бакунина. Его «Государственность и анархия» являлась настоящим новым евангелием для пропагандистов и агитаторов той эпохи. Последователи П. Л. Лаврова больше оставались в городах и реже в деревнях. Журнал П. Л. Лаврова «Вперед» с его лозунгом мирной социалистической пропаганды находил себе последователей преимущественно в городе среди интеллигентной молодежи, как противовес против пережитков нечаевщины, в среде тех, кто требовал от желающего быть революционером солидного теоретического образования.

Бакунисты не требовали такой подготовки от революционера, ибо они думали, что не им нужно учить народ, но самим учиться у него, обладающего богатыми стихийными инстинктами и всякого рода историческими пережитками.

В. И. Засулич, хотя и примкнула к бакунистам-бунтарям, но по своей натуре она не могла так относиться к вопросам образования и чтения. Если еще, учась в пансионе в Москве в середине 60 годов, она читала Добролюбова и Чернышевского, как это она свидетельствовала в своем дневнике, то теперь, в начале 70 годов, находясь в гуще революционного дела, она; как и в ссылке, лихорадочно читала не только всю выходившую тогда нелегальную печать, но и всю легальную, включая сюда и всю журналистику, как

«Отечественные записки», с Салтыковым-Щедриным во главе, «Дело» и др. Особенно популярными к середине 70 годов были такие сочинения: Чернышевского, Бокля, Костомарова, Щапова, Сергиевича, Мордовцева, Хлебникова, Берне, Д. С. Милля, Дарвина, Спенсера, Дреппера, «Исторические письма» Миртова-Лаврова, «Положение рабочего класса в России» Флеровского, его же «Азбука социальных наук», I том—Ф. Лассаля, I том «Капитала» Маркса, незадолго перед тем переведенный, том Луи-Блана «История Французской революции», «Комедия Всемирной Истории» Шерра и др. Все это, несомненно, было проштудировано и В. Засулич, с присущей ей сознательной критикой к восприятию различных знаний и идей.

Такова была В. И. Засулич, когда она, вступивши в кружок «Киевских бунтарей» (см. воспоминания М. Фроленко, напечатанным в 3 книжке «Каторги и ссылки» за 1924 г.), поселилась вместе с М. Фроленко в одной из деревень Киевской губ. под видом его жены, простой деревенской женщины, в каковом качестве она производила почти юмористическое впечатление, с своими большими сапогами, путавшими ее ходьбу по деревне. Здесь она должна была приспособить себя по роду занятий, значившихся в подложном паспорте, к деревенскому образу жизни, что она и выполняла настойчиво и терпеливо, несмотря на все трудности, вытекающие из ее по преимуществу

«городского» характера. Трудны были и полицейские условия существования для нелегального деятеля в деревне, когда каждую минуту можно было ожидать провала из-за самой малой неосторожности. Но, несмотря на это, В. И. Засулич с честью несла на себе все обязанности, возложенные на нее организацией.

Прожив несколько месяцев в деревне, В. И. Засулич перебралась в Елисаветград, Херсонской губ., где оставалась некоторое время в распоряжении местной организации, выполняя различные революционные поручения.

Вообще в течение 70 годов В. И. Засулич исколесила многие грады и веси России в качестве агитаторши и пропагандистки, счастливо всегда избегая ареста. По крайней мере, в историко-мемуарной литературе, опубликованной до сих пор, мы не имеем об этом никакого свидетельства. Ни в процесс 193, ни в процесс 50, ни в процесс о демонстрации на Казанской площади в Петрограде она не попала, хотя за исключением процесса последнего, она могла бы и попасть, так как у нее, за эпоху 70 годов, образовался обширный круг революционных знакомых, и арест кого-нибудь из этих знакомых мог легко повлечь за собой и арест В. И. Засулич. Но, может быть, скромность и застенчивость, столь присущие В. И., в данном случае сыграли свою защитную роль.

Имя В. И. Засулич в полицейских сферах в 70 годы, вплоть до выстрела ее в Петроградского градоначальника генерала Трепова в январе 1878 года, бледнело перед такими именами, как В. Осинский, Ипполит Мышкин, П. Войнаральский и другие громкие имена.

Но вот произошло событие, после которого, спустя несколько месяцев, имя В. И. Засулич становится в центре внимания не только в России, но и в Западной Европе.

Дело, послужившее толчком к мировой известности имени Веры Засулич, заключалось в следующем. 13 июля 1877 г. заключенные «политические» в доме предварительного заключения в Петербурге—Кадьян, Петропавловский (впоследствии писатель-народник С. Каронин), Боголюбов, осужденный на 15 лет каторги по делу демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г., вышли на прогулку в тюремный дворик, и, нарушив изолированность прогулок, сошлись в одну группу, гуляя по двору совместно и беседуя между собой. Эти совместные прогулки арестованных в доме предварительного заключения в то время разрешались тюремной администрацией в виде льгот, о которых не знало высшее начальство.

Во время последней совместной прогулки тюремные ворота отворились, и во дворе показался Петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов, явившийся освидетельствовать в отсутствии на-

чальника тюрьмы Федорова, находящегося в отпуску, тюремный порядок. События далее развернулись так (по рассказу Петропавловского-Каронина):

— Было около 10 часов утра. Градоначальник подошел к нашей группе и обратился к управляющему, который шел рядом с ним, и спросил его раздраженным тоном, почему мы гуляем вместе, так как, по правилам, мы должны и в камерах сидеть в одиночку. В это время управляющим был майор Курпеев. Что он ответил, Петропавловский не слышал, но вместо него счел нужным ответить Боголюбов, который заметил, что он уже присужден и имеет право видеться со всеми, которые сидят тут, в доме предварительного заключения. После этого градоначальник стал еще более раздражен. Он обратился к Боголюбову и довольно зычным голосом закричал: «Разве я к тебе обращаюсь?»—и этот вопрос повторил несколько раз. В конце-концов, он закричал: «взять его в карцер!» Но так как в это время не было лица, которое могло бы исполнить его приказание; мы имели возможность—свидетельствует Петропавловский—обойти еще вокруг двора. Когда мы обошли и встретились с ним опять, градоначальник подбегает к Боголюбову очень близко, замахивается на него рукой и кричит: «долой шапку!». Боголюбов, видя угрожающее движение руки, отскакивает; вследствие такого

движения, шапка несколько сваливается набок, он подхватывает ее и надевает; тогда градоначальник опять подбегает к нему и замахивается на него рукою, но Петропавловский был в таком возбужденном состоянии, что не видел, сбил ли он с него шапку. В скором времени Боголюбов был отведен в карцер. После этого через несколько часов, по приказанию Трепова, Боголюбов был высечен 25 розгами в коридоре тюрьмы в присутствии всех арестованных того отделения, в котором содержался. Политические арестованные подняли в это время страшный шум, и многие были избиты и водворены в карцеры.

Этот небывалый случай с «политическим» попал в тогдашние газеты и возбудил страшное негодование среди русского общества.

Среди революционеров этот случай, в связи с с бесчеловечной расправой правительства над участниками московского процесса 50, в котором выступал со своей знаменитой речью Петр Алексеев, рабочий, уроженец Смоленской г., и Софья Бардина также с горячей речью, а также в связи с таковыми же расправами над участниками процесса по делу о демонстрации у Казанского собора в Петербурге, вызвал в революционной среде поворот в сторону политики, в сторону непосредственной борьбы с правительством, с его наиболее рьяными агентами. Он переполнил чашу терпения у революционеров.

В среде революционеров решено было убить Трепова и тем отомстить за поруганное человеческое достоинство.

Идея покушения на Трепова, если не родилась, то, во всяком случае, созрела на юге.

По этому поводу один из видных тогдашних революционеров, бывший шлиссельбуржец, и теперь живущий, в своей статье «Комментарий к статье» на возникновение «Народной Воли», помещенной в журнале «Былое» за 1906 г. в № 12, говорит: «в Одессе, Киеве в конце 1877 года уже начинает ходить мысль о необходимости открыть поход против правительства в лице хотя бы мелких агентов. Весной 1877 г. при скоплении радикального народа в Одессе происходили разные дебаты насчет необходимости более систематического похода на правительство, при чем большинство признавало нужным уничтожить, срубить сначала лес, как тогда выражались, а волки тогда, мол, и сами погибнут. Меньшинство же стояло за то, чтобы начать с волков. Все это, правда, за недостатком средств и хорошей организации не имело практического осуществления, если не считать мелочей, но зато вполне подготовило мысль к подобному способу. Поэтому, когда в конце 1877 г. явился в Одессу Валериан Осинский с предложением об освобождении из Киевской тюрьмы Стефановича, Дейча, Бохановского (деятелей и организаторов «тайных дружин» среди

крестьян Чигиринского уезда, Киевской губ.), то здесь он нашел сразу подходящую почву. Взяв из них часть, Осинский сначала двинулся в Киев, но, пробыв тут недолго, направился в Питер.

Здесь тогда имелось в виду устроить демонстрацию при похоронах рабочих, погибших от взрыва, кажется, на пороховом заводе. Демонстрация не вышла. Тогда питерцами было решено использовать привезенные силы против Трепова. На Гороховской ул., против адмиралтейской части Амф. Попко, умерший впоследствии в каторге на Каре, и еще один южанин наняли квартиру, стали следить за выходом Трепова. «Варвар»—рысак, тот самый «Варвар», принадлежавший доктору Веймару, при помощи которого бежал Степняк-Кравчинский после убийства им 4 августа 1879 г. в Петербурге среди белого дня шефа жандармов Мезенцева, и которым управлял, сидя на козлах в качестве кучера Адриан Михайлов, товарищ Кравчинского—должен был им помогать.[1])

Но одновременно в другой части города Вера Засулич, Чубаров и др. в свою очередь задумали, независимо от этого, произвести наблюдение также за Треповым. У них подготовка началась скорее. Вера Засулич училась стрельбе еще на

---

[1]) В книжке В. Фигнер „А. Д. Михайлов"—про «Варвара» сообщается, что в 1876 г. на нем был увезен П. А. Кропоткин при его бегстве из Николаевского военного госпиталя. Прим. ред.

юге, когда была в кружке киевских бунтарей. Ей пришлось только проверить себя и решиться на жертву. Узнав от южанина, жившего с Попко, что дело находится в периоде выслеживания и определения способа, что время действия не установлено, Вера не стала выжидать, а сочла выступить лучше самой, предупредив таким образом других.

О том, как произведено было покушение на Трепова, и что переживала и накануне и в день покушения 24 января 1878 г. В. И. Засулич, мы находим свидетельство самой В. И. в ее дневнике.

Вот что она пишет об этом: «Маша (Мария Александровна Коленкина была большой приятельницей Веры Ивановны; она привлекалась по делу 193, но не была разыскана, так как стала «нелегальной»; вместе с В. И. Засулич, Стефановичем, Дейчем и др. она входила в киевский кружок бунтарей) ночевала у меня. С вечера я сказала хозяйке, что утром уезжаю в Москву— я уже и раньше говорила ей, что мне, может быть, придется уехать на короткое время, и что мои вещи, если не вернусь до конца месяца, она может передать Маше. Все эти предосторожности нужны были для Маши: она хотела по своим особым соображениям остаться на некоторое время в моей комнате. Написала прошение о выдаче мне свидетельства о поведении, нужного мне для полу-

чения диплома, и легла спать. Мне казалось, что я спокойна, и только страшно на душе, не от разлуки с жизнью на свободе, с ней я давно покончила—была уже не жизнь, а какое-то переходное состояние, с которым хотелось скорее покончить. Страшной тягостью легло на душу завтрашнее утро: этот час у градоначальника, когда он вдруг приблизится там вплотную. В удаче я была уверена—все пройдет без малейшей зацепинки, совсем нетрудно и ничуть не страшно, а все-таки смертельно тяжело. Это ощущение было для меня неожиданным. При этом не возбуждение, а усталость, даже спать хотелось, но, как только я заснула, начался кошмар. Мне казалось, что я не сплю, а лежу на спине и продолжаю смотреть на освещенное из коридора стекло на дверью, и вдруг чувствую, что схожу с ума, и выражается это в том, что меня неодолимо тянет встать, выйти в коридор и там кричать. Я знаю, что это безумно, из всех сил себя удерживаю и все-таки иду в коридор и кричу, кричу... Прилегшая со мной рядом Маша будит меня: я в самом деле кричу только не в коридоре, а на своей постели. Опять, засыпаю — и опять тот же сон: против воли выхожу и кричу, знаю, что это безумно, и все-таки кричу, и так несколько раз. Пора вставать; часов у нас нет, но начинает сереть, и у хозяйки что-то стукнуло. К Трепову надо поспеть к 9, до начала

приема, чтобы естественным образом спросить у дежурного офицера принимает ли генерал Трепов, и, если окажется, что принимает помощник, незаметно уйти. А раньше еще надо побывать на вокзале. Мы молча встаем в холодной полутемной комнате, я одеваюсь в новое платье, пальто и шляпу надеваю старые и, уже одевшись, выхожу из комнаты. Новая тальма и шляпа уложены в саквояж: я переоденусь на вокзале. Это нужно потому, что хозяйка непременно пожелает проститься — я избаловала ее разговорами—будет хвалить тальму, советовать не надевать в дорогу. А завтра эта тальма будет во всех газетах и наведет ее на мысль. Было мне время все обдумать до мельчайших подробностей. На улице уже рассвело, но полутемный вокзал еще совершенно пуст. Я переодеваюсь, целуюсь с Машей и еду. Холодно, мрачно выглядят улицы. У градоначальника собралось уже около десятка просителей.

«Градоначальник принимает?». — Принимает, сейчас выйдет.—Кто-то точно нарочно для меня переспрашивает: «Сам принимает?»—Ответ утвердительный. Какая-то женщина, плохо одетая, с заплаканными глазами, подсаживается ко мне и просит взглянуть на ее прошение, так ли там написано. В прошении какая-то несообразность. Я советую ей показать прошение офицеру, так как видела, что он уже чье-то просматривал. Она боит-

ся, просит, чтобы я показала. Я подхожу с ней к офицеру и обращаю его внимание на просительницу. Голос обыкновенный, ни в чем не проявляется волнения. Я довольна, кошмарной тяжести, давившей меня со вчерашнего вечера, нет и следа. Ничего на душе, кроме заботы, чтобы все сошло, как задумано. Адъютант повел нас в следующую комнату. Меня первую, и поставил с краю, а в это же время из других дверей вышел Трепов с целой свитой военных, и все направились ко мне. На мгновение это смутило, встревожило меня. Обдумывая все подробности, я нашла неудобным стрелять в момент подачи прошения: и он, и свита на меня смотрят, рука занята бумагой и проч., и решила сделать это раньше, когда Трепов остановится, не доходя до меня, против соседа. И вдруг нет соседа до меня, я оказалась первой. «Не все ли равно: выстрелю, когда он остановится около следующей за мной просительницы»—окрикнула я себя внутренно, и минутная тревога тотчас же улеглась — точно ее и не было. — О чем прошение? — О выдаче свидетельства о поведении.—Черкнул что-то карандашом и обратился к соседке. Револьвер уже в руке, нажала собачку... осечка. Екнуло сердце, опять нажала—выстрел, крик... «Теперь должны броситься бить, значилось в моей столько раз пережитой картине будущего. Но произошла пауза. Она, вероятно, длилась всего несколько секунд, но я ее по-

чувствовала. Револьвер я бросила—это тоже решено было заранее, иначе в свалке он мог сам собой выстрелить. Стояла и ждала. «На преступницу напал столбняк» — писали потом в газетах. Вдруг все задвигалось: просители разбежались, чины полиции бросились ко мне, схватили с двух сторон.—Где револьвер?—Бросила, он на полу.—Револьвер, револьвер отдайте, продолжали кричать, дергая в разные стороны. Передо мною очутилось существо (Курпеев). Он был заместителем управляющего домом предварительного заключения во время Боголюбовской истории (потом Трепов, по словам Л. Дейча, принял его к себе на службу в градоначальство), глаза совершенно круглые, из широко раскрытого рта раздается не крик, а рычание, и две огромные руки, со скрюченными пальцами, направляются мне прямо в глаза. Я их зажмурила из всех сил, и он ободрал мне только щеку. Посыпались удары—меня повалили и продолжали бить. Все шло так, как я ожидала. Излишним было только покушение на мои глаза, но теперь я лежала лицом вниз, и они были в безопасности. Но что было совершенно неожиданно, так это то, что я не чувствовала ни малейшей боли; чувствовала удары, а боли не было. Я почувствовала боль только ночью, когда меня заперли, наконец, в камере.—Вы убьете ее! Уже убили, кажется!—Так нельзя! Оставьте, оставьте! —нужно же произвести следствие! Около меня на-

чалась борьба: кого-то отталкивали—должно быть, Курпеева. Мне помогли встать и усадили на стул. Мне казалось, что я была все в той же комнате, где подавала прошение, но передо мною несколько влево шла вверх широкая лестница, без площадки, до самого верха противоположной стены, и по ней, спеша и толкаясь, с шумом и восклицаниями спускались люди. Они тотчас приковали мое внимание. Откуда взялась тут лестница, раньше ее как-будто не было, и какая-то она точно не настоящая, и люди тоже не настоящие. Может быть, мне это только кажется—мелькнуло тут же в голове. Но меня увели в другую комнату, и вопрос о лестнице так и остался у меня под сомнением, и почему-то целый день, как только оставят меня на минуту в покое, так она и вспомнится. Комната, в которую меня перевели, была большая гораздо больше первой—у одной из стен стояли большие столы, вдоль другой шла широкая скамья. В комнате в этот момент было мало народу и из свиты градоначальника, кажется, никого. Придется вас обыскать, обратился ко мне господин каким-то нерешительным тоном, несмотря на полицейский мундир, какой-то он был неподходящий к этому месту и времени: руки дрожат, голос тихий, и ничего враждебного. Для этого нужно позвать женщину, возразила я: да где же тут женщина, неужели не найдете? И сейчас же придумала: при всех ча-

стях есть казенные акушерки—вот за ней и пошлите, посоветовала я.—Пока-то ее найдут, а ведь при вас может быть оружие! Сохрани господи, что случится!—Ничего больше не случится, уж лучше вы меня свяжите, если так боитесь.—Да я не за себя боюсь, в меня не станете палить, а верно, что расстроили вы меня—болен я был, недавно с постели встал; чем же связать-то?—Я внутренно даже усмехнулась: «Вот я же его учить должна!—Если нет веревки, можно и полотенцем связать.—Тут же в комнате он отпер ящик в столе и вынул чистое полотенце, но вязать не торопился.—За что вы его?—Спросил он как-то робко.—За Боголюбова—ага?—В тоне слышалось, что именно этого он и ожидал.

Между тем весть, очевидно, уже распространилась в высоких сферах. Комната начала наполняться: одни за другими прибывали особы военные и штатские и с более или менее грозным видом направлялись в мою сторону. В глубине комнаты появились солдаты, городовые. Мой странный (для данного места и времени) собеседник куда-то исчез, и я его больше не видала. Но стянули мне за спиною локти его полотенцем. Распоряжался какой-то шумный размашистый офицер.

Он подозвал двух солдат со штыками на ружьях, поставил их за моей спиною и велел держать за руки. Отошел на середину комнаты, посмотрел, должно быть, место—не понравилось;

перевел их в другое, уходя, предостерег солдат: «Вы берегитесь, а то ведь она и ножом пырнуть может!». Мое предвидение, а следовательно и подробная программа поведения не шли дальше момента побоев. Но с каждой минутой я все сильнее и сильнее радостно чувствовала (несмотря на вспоминавшуюся лестницу), что не то, что вполне владею собой, а нахожусь в каком-то особом небывалом со мной состоянии полнейшей неуязвимости. Ничто решительно не может смутить меня, или хотя бы раздражить, утомить. Что бы ни придумали господа, о чем-то оживленно разговарившие в это время в другом конце комнаты, я-то буду спокойно посматривать на них из какого-то недосягаемого для них далека. На несколько минут нас оставили в стороне, и солдаты начали перешептываться. Ведь скажет тоже: связана девка, два солдата держут, а он: «берегись, пырнет»—и где это ты стрелять выучилась?—шепнул он потом над самым моим ухом; в этом «ты» не было ничего враждебного—так по-мужицки.—Уж выучилась? Невелика наука—ответила я так же тихо.—Училась, да не доучилась—сказал другой солдат—плохо попала-то!—Не скажи—горячо возразил первый—слыхать, очень хорошо попала, будет ли жив!? — В группе сановников произошло движение, и они направились в мою сторону. Это вернулись полицейские, посланные произвести обыск по фантастическому адресу, выста-

вленному мною на прошении.—На Зверинской улице, в № таком-то, никто не живет, дом снесен.—Вы дали ложный адрес!..

III.

31 марта 1878 г. судили В. И. Засулич, как исключение из общего правила, судом присяжных. Председателем суда был А. Ф. Кони, доживший и до настоящих дней, защитником—присяжный поверенный Александров, приобретший себе речью именно на этом процессе громадную известность. Вход в суд допускался по билетам, которые достать было трудно. По свидетельству присутствовавшего на процессе в качестве журналиста Г. К. Градовского, который писал: «можно уверенно сказать, что в судебной зале не было ни одного «нигилиста» (так называли обыватели тогда всех революционеров, памятуя кличку «нигилист», данную Тургеневым герою своего романа «Отцы и дети» Базарову, представителю молодежи 60 годов, боровшемуся с представителями старого крепостного барства, или суевериями и религиозными предрассудками на почве точной науки, отрицавшей существование бога (*Л. Ф.*), ни одного студента».

Когда из свидетельских показаний стало вырисовываться в истинном свете то, что творилось в тюрьмах, и что привело к покушению В. И. Засулич, то—как вспоминает тот же Градовский—

«всем» стало тяжело, как от пытки, стыдно от сознания, что подобные варварства могут совершаться над русским народом в столице Петра, у самого здания суда правды и милости, да еще во время войны за освобождение (так называлась царским правительством происходившая тогда русско-турецкая война в 1877 г.

С глубоким волнением—вспоминают современники—была выслушана и блестящая речь адвоката Александрова и слово самой подсудимой, сказавшей: «Тяжело поднимать руку на человека, но я находила, что я должна была это сделать».

Присяжные, состоявшие из чиновников, вынесли между тем оправдательный приговор. Даже находившаяся в зале суда «избранная публика» ликовала.

Впечатление получилось такое, что судили не В. И. Засулич, а царское правительство и его приспешников.

Царское правительство поняло свою ошибку и навсегда из'яло дела «о политических преступлениях» из ведения суда присяжных, приговор по делу В. И. Засулич был кассирован, и сделано было распоряжение о ее розыске и аресте. Уже по выходе ее из суда жандармы пытались ее задержать, но она, встреченная восторженно поджидавшей ее у здания суда демократической толпой, была отбита у жандармов.

Во время этой демонстрации был убит один революционер—Сидорацкий.

Правительство столь было озлоблено всем происшедшим, что начало мстить всем, кто так или иначе хоть косвенно был причастен к делу В. И. Засулич. Наказания посыпались, как из рога изобилия: адвокат В. И. Засулич Александров был выслан из Петербурга, впал в немилость и А. Ф. Кони, либеральной газете «Голос», за помещение в ней сочувственного фельетона Градовского по случаю оправдательного приговора по делу Засулич, было дано предостережение, а самому Градовскому было отмщено за его восторженный фельетон закрытием издававшейся им газеты «Русское Обозрение».

По случаю оправдания В. И. Засулич «Вольной русской типографией в Петербурге было выпущено 2 прокламации, в которых, если не прямо, то косвенно проглядывает уже резкий наклон в сторону активных террористических действий. В прокламациях «Ко всем честным людям» и «К русскому обществу» говорится о необходимости в дальнейшем сплачиваться и смело выступать на борьбу с каждым проявлением правительственного произвола «по примеру В. Засулич».

И в самом деле, выстрел Веры Засулич, ее процесс и оправдание были тем историческим моментом перелома в жизни русских революционеров, после которого усиливается в действовавшей

тогда партии «Земля и Воля» то течение южных революционеров, во главе которого стояли такие люди, как Валерьян Осинский, Фроленко, Попко и другие.

В истории развития русского революционного движения делу Засулич суждено было стать, по словам О. В. Аптекмана в книге «Общество Земля и Воля», решительным поворотом движения в сторону усиления в нем политической непосредственной борьбы с царским правительством, несмотря на имевшуюся еще в среде тогдашних революционеров теоретическую боязнь политики (согласно бакунистским принципам).

Что происходило в это время с самой виновницей столь серьезных событий того времени В. И. Засулич?

Она, несмотря на отданное после оправдания ее судом распоряжение правительства об ее аресте, преспокойно оставалась в Петербурге, принимая живейшее участие в жизни революционной партии.

В 1879 г. на Воронежском с'езде она была вместе со своими товарищами по Киевскому кружку бунтарей, Стефановичем и Дейчем, кооптирована «в основную группу» партии «Земли и Воли».

Но недолго пришлось В. И. Засулич работать в рядах партии «Земли и Воли» в основной ее группе. В недрах когда-то единой, сплоченной крепко народнической программой, партии начали

постепенно накапливаться разногласия между ее членами по вопросу тактики и задач революционной деятельности в России. Разногласия вызывались глубокими причинами, коренившимися в общем ходе экономического развития страны. Россия становилась на путь капиталистического развития со всеми вытекавшими отсюда следствиями. Это уже к концу 70 годов хорошо видели такие писатели-народники, как Глеб Успенский, который в своих деревенских очерках, печатавшихся во влиятельнейшем народническом органе того времени «Отечественных Записках», указывал на расслоение деревни, на разложение деревенской общины. Капитализм без церемонии под сладкие речи народников, как кот Васька из Крыловской басни, ел самое дорогое для народничества — общину, которая, по их учению, заключала в себе ячейку социалистического строя, воспитывавшую крестьян в социалистическом духе и являющуюся прочной гарантией против вторжения в русское народное хозяйство капитализма.

Глеб Успенский уже и тогда видел, что община, как карточный домик, зашаталась под товарно-капиталистическими ветрами, подувшими с Западной Европы. Не даром его обвиняли тогда в чрезмерном пессимизме, в чрезмерно мрачном взгляде на крестьянство. А между тем и многие революционеры, жившие в народе и ведшие среди него агитацию и пропаганду, наталкивались, во-

преки своему представлению о крестьянстве, как о сословии с коммунистическими инстинктами, на то же самое. Крестьянин, судя по словам Дебагорио-Мокриевича, Стефановича и др., имевших большой опыт в деревне, охотно слушал речи пропагандистов о разделе помещичьей земли, но в то же время считал необходимым, чтобы эта земля отдавалась ему в частную собственность, и, наконец, порой, и нередко, при этом думал, что раздел этот или передел может произвести не кто иной, как царь, подобно тому, как он освободил крестьян от крепостной зависимости. Вера в царя тогда была сильна в народе. Не даром некоторые революционеры в своей агитации порой избегали трогать царя, или же, как в Чигиринском деле, возглавлявшемся Дейчем, Стефановичем и Бохановским, для того, чтобы вызвать бунт среди крестьян, прибегали к распространению подложных царских манифестов и себя именовали царскими эмиссарами. Но даже, если кое-где крестьян можно было и разубедить в вере в царя, а бывали случаи, когда крестьяне скручивали руки пропагандисту и представляли его по начальству «на его пылкие речи», как на одной картине 70 годов, под названием «Внушителя словили», то и тогда камнем преткновения для восприятия социализма крестьянами служила их частно-собственническая психология. Это многие из пропагандистов чувствовали, но только об'ясняли это по своему на-

родническому обыкновению косностью и темнотой деревни, в которых царское правительство намеренно держит ее, чтобы не выпускать ее из своей кабалы. И этот взгляд тогдашних революционеров-народников, членов общества «Земля и Воля», находил себе подтверждение в тех свирепых гонениях правительства, какие оно предприняло к тому времени по отношению к проживавшим в народе революционерам... Отсюда революционерами того времени делался вывод, что для того, чтобы вести успешно дальнейшую пропаганду и агитацию в народе, у которого попрежнему-де есть «коммунистические инстинкты», необходимо повести борьбу не на жизнь, а насмерть с самим царским правительством, мешающим проявлению в народе этих инстинктов. Нужно изменить так свою программу и тактику, чтобы они охватывали собой всесторонне политическую борьбу с самодержавием и из отдельных актов мести и самозащиты, как это мыслилось раньше отдельными небольшими группами членов «Земли и Воли», так называвшимися «дезорганизаторами» и южными бунтарями, дополнявшими собой агитацию и пропаганду в деревне, она превратилась бы в целую систему, направлявшуюся из единого мощного конспиративного центра. Эти мысли были развиты уже на с'езде партии «Земли и Воли» в Воронеже, который состоялся после покушения А. К. Соловьева, члена партии, на царя Александра II

в 1879 г. 4 апреля, и которое в резкой форме поставило перед партией вопрос о политической борьбе, какого раньше члены партии, в пору первых хождений «в народ», боялись, как огня, отмахивались от него, как от буржуазного вопроса, ибо, по учению бакунистов-народников, достигнутая в результате политической борьбы политическая свобода только погубит общину и послужит орудием борьбы в руках буржуазии за укрепление ее господства.

Этот политический вопрос, однако, ходом вещей был выдвинут на первую очередь в Воронеже, и вокруг него разгорелась страстная борьба, с одной стороны, между сторонниками старой программы, во главе с Г. В. Плехановым, и новой, во главе с А. И. Желябовым, известным впоследствии вождем террористов, организатором цареубийства 1 марта 1881 г.

Плеханов доказывал, что продолжение попыток в духе Соловьева неизбежно приведет к сосредоточению всех сил и средств организации на цареубийстве, и также, что это вызовет сильнейшую правительственную реакцию (отпор), вследствие чего никакая деятельность среди крестьян не будет возможна. Систематический террор, по убеждению Плеханова, был несовместим с заданиями подготовки крестьянских бунтов, к чему, как известно, стремились землевольцы и бакунисты.

Выступивший на этом с'езде против Плеханова А. И. Желябов, защищавший необходимость продолжать покушения на царя с тем, чтобы этим способом добиться конституционного строя, выражал, по словам Л. Г. Дейча, в его книжке «Г. В. Плеханов», взгляд не только значительной части членов в землевольческой организации, но и всего передового русского общества.

Как бы там ни было, но на Воронежском с'езде обозначился форменный раскол между сторонниками систематической террористической борьбы с правительством и сторонниками чистой пропаганды и агитации в деревне, т.-е. между так называвшимися «дезорганизаторами» и «деревенщиной»...

«Деревенщина» стояла на своем, и спустя некоторое время, после Воронежского с'езда, несмотря на примирительную резолюцию, принятую на нем и гласившую о том, чтобы отчислять из организационных сил и средств равную долю как для подготовки к цареубийству, так и для пропаганды в деревне, раскол и формально был закреплен в возникновении двух самостоятельных революционных организаций: партии «Народной Воли», вокруг которой сгруппировались все сторонники террора, и «Черный передел», вокруг которого сгруппировались бывшие «деревенщики».

Во главе «Черного передела» стал порвавший с «Землей и Волей» и ушедший с Воронежского

с'езда неудовлетворенный примирительной резолюцией его—Г. В. Плеханов. К нему примкнули бывшие в это время за границей и вскоре возвратившиеся оттуда Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович и В. И. Засулич.

Таким образом с конца 1879 г. мы видим В. И. Засулич в рядах новой народнической организации «Черного передела».

Деятельность В. И. Засулич в рядах членов в этой вновь возникшей организации была последним этапом в увлечении ее утопическим социализмом. Начавшееся тогда рабочее движение, выразившееся в стачках на петербургских фабриках и заводах, не сразу помогло перемене ее взглядов. В. И. Засулич еще долго, как правоверная народница, смотрела на рабочих только как на придаток к крестьянам, как на временно отлучившихся из деревни, куда они должны возвратиться опять к земле, в свою родную общину.

Даже возникший тогда «Северо-русский рабочий союз» (1879 г.), организованный известным рабочим Степаном Халтуриным, не в состоянии был собой открыть народнических глаз «чернопередельцам».

Но все же В. И., как и другие чернопередельцы того времени, благодаря невозможности по полицейским условиям работы в деревне, сосредоточила все свое внимание на работе в кружках рабочих и интеллигенции.

«Чернопередельцы» в своем органе, одним из редакторов которого был Плеханов, вел и в сущности старую землевольческую линию. Но было ясно, особенно с развертыванием борьбы народовольцев с царем, что чернопередельцам нечего делать в современной России. Логика политических актов была в этом случае тогда на стороне народовольцев. И вот это сознание стало с течением некоторого времени почти общим для всех «чернопередельцев».

Случилось—пишет Л. Г. Дейч в своей книжке «Г. В. Плеханов»—так, что в конце декабря 1879 г. с'ехались в Петербурге некоторые из товарищей, находившиеся в разных городах юга. При обмене мнениями и впечатлениями из поездок естественно встал перед нами вопрос: «что делать, что предпринять нашей организации в виду сложившихся в стране обстоятельств». Для всех, собравшихся на общей «конспиративной» квартире, было ясно, что наступила эпоха увлечения террором, и, пока она не пройдет, наши стремления действовать среди крестьян не смогут осуществиться. Оставалось, следовательно, ждать, продолжая только издавать литературный наш орган и ведя пропаганду по мере возможности среди интеллигенции и рабочих. Тогда некоторые товарищи—Аптекман, Тищенко, Пьянков—стали настаивать, чтобы Плеханов, Засулич, Стефанович и я отправились за границу выжидать наступления более благоприят-

ного в России времени для революционной деятельности.

Никому из нас не хотелось оставить поле брани, превратиться, как мы и опасались, на продолжительное время в эмигрантов: но, в конце-концов, мы вынуждены были подчиниться единодушному постановлению товарищей.

И в январе 1880 г. В. И. Засулич, Г. Плеханов, Л. Дейч и Стефанович переехали русскую границу и поселились в Швейцарии.

IV.

По приезде в Швейцарию В. И. Засулич, как и другие ее товарищи по «Черному переделу», почувствовали остро, что нужно коренным образом изменить свою старую народническую программу, что неудача «Черного передела» в России коренится глубже, чем до тех пор они предполагали. В. И. Засулич прежде всего начала приглядываться к западно-европейской жизни, чтобы в ней найти ключ к пониманию и правильной постановке революционных задач в России.

В это время на Западе начало развиваться особенно сильно рабочее движение. Не было страны, где бы не было партии рабочего класса.

Особенно привлекала к себе внимание социал-демократическая партия в Германии, где тогда выдвинулись такие вожди, как Бебель и Либкнехт.

В. Г. Плеханов, с которым В. И. была связана узами дружбы, по приезде за границу, начал серьезно изучать К. Маркса, Энгельса и др. теоретиков и историков социализма, в этом смысле направил и внимание В. И. Засулич в эту именно сторону. И Вера Ивановна с увлечением занялась изучением Маркса и социальных вопросов, и только теперь она начала понимать всю наивность и утопичность свою и всех тогдашних русских социалистов, считавших самобытный путь экономического развития с общиной, ячейкой социализма, основой нашей революции.

Она поняла, что этот якобы самобытный путь нашего развития давным давно пройден другими передовыми странами, вперед ушедшими по пути своего развития, а по Марксу известно, что всякая ушедшая вперед страна по пути экономического своего развития показывает странам отсталым картину их будущего.

Какую же картину будущего могла показать Европа тогдашней России?

Пристальное изучение истории и современных движений на Западе подсказало В. И. Засулич, обладавшей, как мы видели, еще с детства острым критическим умом и живой наблюдательностью, что Россию ждет такой же расцвет капитализации и роста пролетариата, как и на Западе, что спасение революционной России не в

крестьянской общине, а в беспощадной классовой борьбе пролетариата с буржуазией, что вне этого единственного пути развития не может быть ничего, что народническая община, это—китайщина, застой, смерть революции и всякому культурному поступательному движению вперед, и что выходом из положения может быть только создание самостоятельной рабочей партии в России.

И другие ее товарищи—Плеханов, Дейч, и присоединившиеся к ним давно жившие за границей П. Б. Аксельрод, В. Н. Игнатов—также разделяли эти взгляды.

Г. В. Плеханов часто выступал в это время с рефератами в Женеве и развивал в них определенные марксистские взгляды, что вызывало взрыв негодования среди других эмигрантов, закостеневших в старых народнических предрассудках.

Носилась уже в воздухе необходимость создания своей особой марксистской группы в Женеве. Но покуда эта мысль заслонялась еще возможностью совместной работы с народнической эмиграцией, издававшей «Вестник Народной Воли», чтобы не дробить средств и сил русского революционного движения.

Но из предполагавшегося соглашения ничего не вышло.

Лев Тихомиров, главарь тогдашних народовольцев и друг казненного по делу 1 марта

Андрея Желябова [1]), не пожелал этого соглашения.

И это было в общем не плохо для В. И. Засулич и ее друзей.

Они отныне начинают постепенно искать путей и средств, чтобы выступать самостоятельно на арене русского революционного движения в качестве самостоятельной силы.

Еще будучи чернопередельцем, В. И. Засулич, как видно из ее писем к Карлу Марксу и Фр. Энгельсу, была напряженно заинтересована, как и ее товарищи, в искании тех новых революционных путей, которые бы вывели русские революционные партии, и в частности «Черный передел», из того тупика, в какой они попали в это время.

Из этих писем, опубликованных в книжке группа «Освобождения Труда», составленной Л. Дейчем, изданной Государственным Издательством, и особенно из первого письма В. Засулич к Карлу Марксу, найденного Д. Рязановым за границей и опубликованного им в первой книге «Архива Карла Маркса и Ф. Энгельса», видно, какое огромное, исчерпывающее для себя значение придавали ближайшие товарищи В. И. и она сама

---

[1]) Увы! Лев Тихомиров, умерший года два тому назад в Троицко-Сергиевском посаде, сделался изменником и стал на сторону царя и до самой революции редактировал черносотенно-дворянскую газету „Моск. Вед“. Л. Ф.

ответу Карла Маркса на волновавшие их тогда всех вопросы.

Вопросами этими являлись тогда вопросы о судьбе русского капитализма в России в связи с вопросом о русской общине.

Первое письмо к Марксу было написано В. И. Засулич по просьбе и настоянию ее друзей, еще тогда не расставшихся со старыми народническими взглядами, но уже колебавшихся в них под влиянием изучения западно-европейского рабочего движения, а также сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Это письмо относится к 16 февраля 1881 года, когда еще и партия «Народной Воли» находились на высоте своих террористических успехов.

Вот это письмо к К. Марксу: «Уважаемый гражданин, Вам небезызвестно, что Ваш «Капитал» пользуется большой популярностью в России. Несмотря на конфискацию издания, небольшое количество экземпляров читается и перечитывается массой более или менее образованных людей нашей страны; есть и серьезные люди, изучающие его, но, чего Вы, вероятно, не знаете, это—то, какую роль играет Ваш «Капитал» в наших спорах об аграрном вопросе в России и о нашей сельской общине. Вы знаете лучше кого бы то ни было, какое громадное значение имеет этот вопрос в России. Вы знаете, что думал о нем Чернышевский.

Наша передовая литература, как, например, «Отечественные записки», продолжают развивать его идеи.

Но этот вопрос есть, по моему мнению, вопрос жизни и смерти, особенно для нашей социалистической партии.

От той или иной точки зрения на этот вопрос зависит даже личная судьба наших социалистов-революционеров. Одно из двух: либо эта сельская община, освобожденная от чрезмерных требований фиска, выплат помещикам и полицейского произвола, способна развиваться в социалистическом направлении, т.-е. постепенно организовать свое производство и свое распределение продуктов на коллективных началах. В этом случае социал. революционер обязан посвятить все свои силы освобождению общины и ее развитию. Если же, наоборот, община обречена на гибель, тогда социалисту, как таковому, остается лишь заниматься более или менее малообоснованными вычислениями, чтобы определить, через сколько десятков лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития, как в Западной Европе. Тогда им придется вести пропаганду только среди городских рабочих, которые постоянно будут затопляться массой крестьян, выбрасывающихся разлагающейся общи-

ной на улицы больших городов в поисках заработка.

В последнее время мы часто слышим мнения, что сельская община является органической формой, которую история, научный социализм, словом—все, что есть наиболее бесспорного, обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими учениками par excelance «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является—«так говорит Маркс». Но каким путем Вы это выводите из его «Капитала»? Он в нем не разбирает аграрного вопроса и не говорит о России—возражают им. Он бы сказал это или бы говорил в нем о нашей стране, отвечают Ваши ученики, быть может, несколько слишком смело. Вы поймете поэтому, гражданин, в какой мере нас интригует Ваше мнение по этому вопросу, и какую большую услугу оказали бы Вы нам, изложив Ваши мысли о возможных судьбах нашей сельской общины и о теории исторической необходимости для всех стран света пройти все фазы капиталистического производства.

Позволяя себе просить Вас, гражданин, от имени моих товарищей, соблаговолите оказать нам эту услугу, если время не позволяет Вам изложить свои мысли по этим вопросам более или менее подробно, благоволите сделать это, по крайней мере, в форме письма, которое разрешите мне перевести и опубликовать в России.

Примите, гражданин, мой почтительный привет. Вера Засулич. Мой адрес: Польская типография rue de Lausanne, № 49, Женева».

Карл Маркс — по словам Д. Рязанова — предполагал дать на это письмо весьма обстоятельный ответ, но разные обстоятельства, в том числе и надорванная работоспособность его, помешали ему это сделать, как видно из тех черновиков его ответа, какие найдены в его бумагах.

Впрочем, из того письма К. Маркса в ответ на письмо В. Засулич, какое вылилось у него в окончательной редакции и помеченного 8 марта 1881 года, можно заключить (целиком оно приведено т. Рязановым в «Архиве К. Маркса и Энгельса», кн. I), что он категорически заявляет, что «община является точкой опоры общественного возрождения России, но что прежде всего нужно было бы устранить тлетворное влияние, которое теснит ее со всех сторон, а затем обеспечить ей условия самостоятельного развития», иными словами, нужно прежде всего свергнуть абсолютизм.

Ответ этот является более решительным, чем ответ, данный в предисловии к русскому изданию «Коммунистического Манифеста», где только одновременность русской революции и рабочей революции на Западе выставляется необходимым условием для превращения общины в исходный путь коммунистического развития.

После этого письма к Марксу В. И. Засулич, как и ее друзья по «Черному переделу», в течение двух лет не только не оставляли своих усиленных занятий по изучению теории К. Маркса, но и изучили в подлинниках целый ряд брошюр К. Маркса и Ф. Энгельса.

Затем в «Социально-революционной библиотеке» ими были изданы: «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Наемный труд и капитал» Маркса, «Программа рабочих» Ф. Лассаля, а также брошюра Ф. Энгельса «Развитие научного социализма». Последняя брошюра была издана в «Библиотеке современного социализма» в переводе В. Засулич, которая поместила в ней и свое предисловие, в каковом она уже смотрит на русскую общину более определенно, чем в своем письме к К. Марксу, хотя со времени написания его не прошло и двух лет.

В этом предисловии она уже убеждена, что процесс разложения общины неудержимо развивается. «Этот процесс—пишет она — означающий собою разложение общины, с каждым годом все настойчивее констатируется исследователями крестьянского быта, и кулак, неизбежно фигурирующий во всех изображениях жизни села, служит его вернейшим признаком и сильнейшим неистребимым фактором. Он подкапывает все основы общинного быта, извращает в свою пользу выработанные многовековой практикой «мира» правила

и обычаи. Он неистребим уж более никакими мерами, не уничтожающими в корне самую возможность возникновения общественного неравенства, а следовательно, неотвратимо и постепенное разложение общины, накопление капиталов и расширение крупной промышленности.

Росту капитализма принадлежит ближайшее будущее России, но только ближайшее: дожить до окончательного разложения общины ему вряд ли суждено.

Современное экономическое развитие России слишком тесно связано с развитием Западной Европы, а в ней дни капитализма уже сочтены.

Социалистическая революция на Западе положила бы предел капитализму и на Востоке Европы, и тогда-то остатки общинных учреждений могут сослужить России большую службу».

Само собою понятно, что этих строк не мог бы написать правоверный народник.

Это предисловие знаменовало крупный перелом во взглядах В. И. Засулич, для которой община уже не является ячейкой социализма, несокрушимой для ударов капитализма. Марксистский способ исследования уже виден в этом предисловии В. И. Засулич.

Во время его написания как раз была организована в Женеве первая социал-демократическая группа «Освобождения Труда», с Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, Л. Г. Дейчем, Игнатовым и

В. И. Засулич во главе, поставившая себе целью создание в России рабочей партии.

Это было в 1883 году осенью, когда появилась в свет там же, в Женеве, и первая боевая социал-демократическая брошюра Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», в которой даются уже основы беспощадной критики всего русского народничества, впоследствии, через год, так блестяще развитые тем же Г. В. Плехановым в его знаменитых «Наших разногласиях», явившихся как бы водоразделом между двумя революционными эпохами.

Характерно здесь отметить, что годы возникновения и развития первой в России группы марксистов, об'единившихся вокруг «Освобождения Труда», как раз совпали с началом широкого рабочего движения, связанного с организованной недавно умершим рабочим-ткачом П. А. Моисеенко Орехово-Зуевской стачкой.

Таким образом ясно, что новая молодая тогда группа марксистов, вполне верно уловила ход и характер естественного развития, несмотря на дремучий лес народнических предрассудков, мешавших многим разглядеть перспективы будущего развития.

Группа «Освобождения Труда» одной из своих задач и ставила себе расчищение почвы в России для восприятия идей Маркса и Энгельса теми демократическими слоями, которые раньше «соблаз-

нялись» народничеством и которые в то же время по своему положению близко стояли к рабочему классу.

Но не только эти задачи ставила себе эта группа.

Основная задача ее заключалась в том, чтобы в виду развивающегося уже тогда капитализма, наличности социалистической интеллигенции, вооруженной критикой и учением научного социализма, достигнуть того, чтобы еще до приобретения политической свободы, рабочий класс представил бы в России самостоятельную силу и, борясь, как это было на Западе, вместе с буржуазией за свободу, не подпал бы, по примеру своих собратьев на Западе, под влияние этой буржуазии...

Группа «Освобождения Труда» взяла на свои плечи задачу грандиозного охвата.

И В. И. Засулич в разрешении ее играла в группе огромную роль.

Если вначале она по своей скромности и застенчивости, не берет на себя никакой оригинальной и самостоятельной литературной роли, а литературная сторона уже в группе играла первую роль в ее деятельности, долженствовавшей популяризировать идеи Маркса и Энгельса в рабочеинтеллигентской среде, то она со всем пылом своей натуры принимается за переводы брошюр Маркса и Энгельса, пишет к ним предисловия. И в этой работе проявляет большой литературный талант,

который впоследствии блестяще развернулся в ее статьях как литературно-критического характера, так и публицистическо-исследовательского.

Лучшими годами ее жизни, несомненно, были те два десятилетия (с 1883—1903 г.), в течение которых существовала группа «Освобождения Труда», закрытая по постановлению 2 с'езда РСД раб. партии в Лондоне, как растворившаяся организационно в партии на ряду с другими существовавшими в то время группами и фракциями.

В. И. Засулич в этой работе окончательно выявила себя, все богатейшие возможности, какие таились на дне ее глубокой и сильной натуры.

В группе «Освобождения Труда» она завершила свое революционное развитие.

Она вписала в эти годы навсегда свое имя в историю развития рабочего класса в России, в период, когда рабочий класс еще только пробуждался от тяжелой спячки и искал вокруг себя точки приложения своим таившимся в нем богатырским силам, еще и сам не зная хорошенько, как направить свой удар с наименьшей затратой энергии и с наибольшими результатами.

Группа «Освобождения Труда», деятельным членом которой с первых же шагов ее работы являлась В. И. Засулич, предприняла целый ряд изданий, которые бы дали обоснование для марксистского понимания во всех областях человеч-

ского знания, начиная с истории литературы, общественного движения и кончая искусством.

И она это делала постепенно и систематически, вытесняя из этих областей старое народническое мировоззрение.

В. И. Засулич, вслед за Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом, своей литературной деятельностью принесла огромную пользу начинавшемуся в России рабочему движению, оплодотворяя его семенами научного социализма—марксизма.

V.

Группа «Освобождения Труда» с самого основания постоянно поддерживала сношения с выдающимися представителями марксистской науки на Западе, которые в свою очередь тщательно следили за развитием деятельности группы. Очень любопытны в этом отношении письма В. И. Засулич к другу К. Маркса, Ф. Энгельсу, и обратно.

В книжке группа «Освобождение Труда» опубликованы шесть ответных писем Энгельса к В. Засулич.

Первый ответный отклик Ф. Энгельса помечен 13 ноября 1883 г. на письмо к нему В. Засулич, в котором она, по предложению Г. В. Плеханова, просила его предоставить группе в рукописи второй том «Капитала» Маркса для перевода его на русский язык.

В этом же письме она сообщила Энгельсу о том, что ее группой предпринято издание его брошюры «Развитие научного социализма».

Это известие—по словам Л. Дейча—очень обрабовало Ф. Энгельса.

Обрадовало его также и то, что в приложении к этой брошюре В. И. Засулич поместила известные главы о насилии из его книги против Дюринга: он нашел это приложение столь удачным, что и сам впоследствии составил для немцев из него особую статью в применении к роли насилия в образовании Германской империи, вышедшую недавно и по-русски (см. «Сила и экономия в образовании Германской империи», изд. «Красная Новь», М. 1923 г.).

Вот этот ответ Энгельса на письмо В. И. Засулич: «Дорогая гражданка, я совсем не в состоянии ответить на вопросы, с которыми вам угодно было ко мне обратиться.

Издание второго тома «Капитала» в оригинальном тексте еще очень запаздывает; до сих пор я должен был заниматься, главным образом, третьим изданием первого тома.

Я не имею до сих пор сообщения из Петербурга относительно издания русского перевода второго тома, поэтому я не думаю, чтобы в настоящее время предполагалось подобное издание в русской столице; сначала, без сомнения, захотят увидеть немецкий текст.

С другой стороны, политическое положение в России так напряженно, что кризис может произойти со дня на день. По-моему, возможно даже, что в России писать свободнее будет раньше, чем в Германии. И в таком случае переводом первого тома Г. Л. (Герман А. Лопатин, известный революционер, впоследствии шлиссельбуржец, недавно умерший) мог бы претендовать на некоторое право переводить второй. Поэтому я думаю, что было бы немного преждевременно теперь принимать окончательное решение. Я с искренней благодарностью принимаю к сведению ваше доброе предложение; может быть, через несколько месяцев будет видно, и мы сможем снова поговорить об этом. Вы мне доставляете большое удовольствие сообщением, что это вы взялись за перевод моего «Entwicklung» и т. д.; жду вашего труда с нетерпением и очень ценю честь, которую вы мне делаете. Примите, дорогая и героическая гражданка, уверение в моих преданнейших чувствах. Ф. Энгельс».

После этого ответа вскоре появился перевод В. И. Засулич в «Библиотеке современного социализма» «Нищеты и философии» К. Маркса.

Эту библиотеку предприняла группа «Освобождения Труда» с целью популяризации идей научного социализма в России.

Второе письмо Ф. Энгельса, помеченное в марте 1884 года, начинается именно с извещения, что он знает о предполагаемом издании «Нищеты фи-

лософии». «Дорогая гражданка! Появление русского перевода «Нищеты философии» будет прекрасным днем как для меня, так и для дочерей Маркса.

Само собою разумеется, что я с удовольствием даю в ваше распоряжение весь материал, который вам в этом будет полезен.

Вот что я предполагаю сделать.

Кроме немецкого перевода, в этот момент в Париже печатается новое французское издание. Для этих двух изданий я делаю несколько пояснительных примечаний, текст которых я вам пошлю для предисловия. Существует статья Маркса в берлинском «Социал-демократе» 1865 г., которая удовлетворяет почти во всем. Она будет напечатана, как введение к обоим новым изданиям—французскому и немецкому. Имеется только один ее экземпляр, принадлежащий архиву нашей революционной партии в Цюрихе; если не найдется другого экземпляра в бумагах Маркса или моих (я это буду знать через несколько недель), вы легко можете получить с нее копию через Бернштейна. Для немецкого издания мне нужно будет сделать специальное предисловие, чтобы опровергнуть нелепое утверждение реакционных социалистов, будто Маркс в «Капитале» плагиировал Родбертуса и доказать, что, наоборот, Маркс уже произвел критику Родбертуса в «Нищете», прежде чем Родбертус написал свои «Социалистические пись-

ма». Это, мне кажется, не имеет интереса для русской публики, куда наши псевдосоциалисты еще не проникли. Но вы сами рассудите; это в вашем распоряжении, если это вам покажется подходящим.

То, что вы мне сообщаете о растущем изучении книг по теории социализма, мне доставило большое удовольствие. Теоретический и критический дух, который почти исчез из наших немецких школ, кажется, действительно укрылся в России.

Вы просите меня указать вам книги для перевода. Но вы уже перевели или обещали перевести почти все сочинения Маркса; вы сняли сливки с моих.

Остальные наши немецкие книги или слабы в теории, или заняты вопросами, более или менее ограниченными Германией.

В последнее время французы производили довольно хорошие вещи, но это еще в зачатке.

Резюме «Капитала», сделанное Девилем, хорошо в теоретической части, но специальная часть сделана слишком поспешно и почти непонятна для того, кто не знает оригинала. Кроме того, это слишком обширно для резюме, тем не менее, я думаю, что, переделавши это, можно из него сделать хорошую вещь; а резюме «Капитала» всегда будет полезно стране, где можно только с трудом добыть самую книгу. Говоря о положении в России, я думал, конечно, вместе с другими вещами и

специально о финансах, но не исключительно. Для такого загнанного правительства, как Петербургское, и для пленного царя (царь Александр III после убийства его отца Александра II 1 марта 1881 г. народовольцами, испугавшись, долгое время безвыездно проживал в Гатчине, окруженный «верной охраной», вот почему Энгельс называет его «пленным царем». *Л. Ф.*), как Гатчинский отшельник, положение не может длиться, не становясь все более и более натянутым.

Дворяне и крестьяне одинаково разорены, армия задета в своем шовинизме и скандализована ежедневным зрелищем государя, который прячется; необходима внешняя война, чтобы дать выход «дурным страстям» и общему недовольству; в то же время невозможность ее предпринять за недостатком денег и благоприятной политической кон'юнктуры, и мощная национальная интеллигенция, которая горела желанием разбить сковывающие цепи—и ко всему этому полнейший недостаток денег и «нож» деятелей у горла правительства. При всем этом я полагаю, что каждый месяц должен все усиливать невозможность положения, и, если бы нашелся конституционный великий князь, смелый при этом, само русское общество должно бы увидеть в дворцовой революции выход из этого тупика.

Теперь спасут ли Бисмарк (канцлер Германии того времени) и Блейхледер своих новых дру-

зей? Я в этом сомневаюсь, я скорее спрашиваю себя: кто из двух договаривающихся будет обкраден другим?

К этому приложены рукопись (копия) Маркса, которую вы можете употребить, как найдете нужным. Я не знаю были ли это «Отечественные Записки» (журнал радикальной народнической интеллигенции, руководившейся тогда известным писателем Щедриным, Г. З. Елисеевым и Н. К. Михайловским. *Л. Ф.*), где он нашел статью «К. Маркс перед трибуналом Ю. Жуковского». (Вероятно, здесь речь идет о статье одного из первых учеников русских марксистов, б. проф. Киевского университета Н. Зибера, или же о статье Н. Михайловского «К. Маркс перед судом Ю. Жуковского», помещенных в те годы в журнале «Отечественные Записки». *Л. Ф.*).

Он написал ответ, который имеет характер статьи, предназначенной для напечатания в России, но никогда не посылал ее в Петербург, полагая, что одним своим именем скомпрометирует существование журнала, который напечатал бы его ответ. Ваш совершенно преданный Ф. Энгельс. Ваш перевод моей брошюры мне кажется превосходным; какой прекрасный язык—русский! Все преимущества немецкого, без ужасной грубости».

Все остальные письма Ф. Энгельса к В. И. Засулич свидетельствуют о том, что он высоко ценил ее.

Последнее письмо-открытка было писано Ф. Энгельсом по городской лондонской почте на имя В. И. Засулич и, судя по штемпелю на ней, относится к 30 января 1895 г.

В. И. тогда, по свидетельству Л. Г. Дейча, жила в Лондоне под фамилией Бельдинской:

Вот оно: «Дорогая гражданка Вера, я, конечно, буду дома завтра между 3—5, или в пятницу, от 3 до 4, после обеда, когда я буду очень рад вас видеть. Книга Ж (по словам Л. Г. Дейча, Энгельс, вероятно, имеет здесь в виду Жоржа Плеханова и его книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», появившуюся в 1895 г. под псевдонимом Н. Бельтова) в России явилась очень кстати.

Сегодня газеты извещают, что Николай заявил земствам, что он так же твердо поддерживает «самодержавие», как и его отец.

Против глупости царственных правителей нет лекарства.

Тем лучше, если Ж. (т. е. Плеханов) произвел фурор. Всегда ваш Ф. Э.».

Нужно заметить, что В. И. Засулич лично познакомилась с Ф. Энгельсом в начале 90 годов после интернационального конгресса в Цюрихе, на который внезапно приехал и Энгельс.

Дружественные группы, как Плеханов и П. Аксельрод, после Парижского Конгресса спе-

циально отправились в Лондон, чтобы познакомиться с Ф. Энгельсом.

В. И. Засулич в 1894 г. надолго поселилась в Лондоне, где очень сблизилась с Энгельсом, так же как Плеханов, тоже одно время живший там.

Личные духовные общения В. И. с Ф. Энгельсом имели, конечно, огромное влияние на ее научные марксистские взгляды, что очень важно было и гарантировало ее в этой области и в дальнейшей ее литературной деятельности в группе «Освобождение Труда» от шатаний и уклонов и помогло ей верно схватить дух марксистского учения.

В. И. Засулич в области литературы была столь же застенчивой и скромной, как и во всей своей жизни, и потому писательская деятельность ее не была такой плодовитой, как могла бы быть при таком большом литературном таланте, каким она несомненно обладала, но, с другой стороны, все, вышедшее из-под ее пера, было удивительно законченно и ярко по заложенному в нем марксистскому методу. И если на сочинениях Плеханова, заложившего основы марксизма во всех областях знания, можно и должно учиться, то на статьях В. И. Засулич можно и должно воспитывать нашему молодняку свой дух в марксистской правде и в истинном марксистском героизме.

Впервые с оригинальной статьей В. И. Засулич выступила в 1888 г. в литературно-политическом сборнике «Социал-демократ», изданном группой «Освобождение Труда» в 1888 г. в Женеве,

Там была помещена ее статья «Очерк истории международного общества рабочих», затем в серии «Рабочая библиотека», изд. группы, был выпущен ее очерк «Варлен перед судом исправительной полиции».

Все вышли в 1890 г.

Затем, когда сборник «Социал-демократ» (1888 г.) был превращен в литературно-политическое обозрение «Социал-демократ» в 1890 году, В. И. Засулич в № 1 (февраль 1890 г.) поместила в нем свою блестящую статью «Революционеры из буржуазной среды» и, наконец, в № 3 (1 декабря 1890 г.) и в кн. 4 1892 г. поместила «Литературные заметки».

Характеризуя «Социал-демократ», Д. Рязанов в брошюре «Г. В. Плеханов и группа «Освобождение Труда» вполне справедливо говорит о статьях В. И. Засулич, помещенных в этом первом замечательном русском социал-демократическом журнале: «особенную прелесть придают журналу статьи В. И. Засулич, в которых впервые развернулся ее своеобразный литературный талант. Проникнутые глубоким убеждением они в то же время поражают своей мягкостью и задушевностью. Эта мягкость нисколько не мешает ей по временам с беспощадною логикой разбивать аргументацию противника.

В этих же книжках В. И. Засулич в своей статье против Степняка (автор романа «Андрей

Кожухов», «Павел Руденко», «Домик на Волге» и др., убийца шефа жандармов Мезенцева в Петербурге в 1879 году, близко стоявший к членам группы «Освобождение Труда», и в частности к самой В. И. Засулич. Переписка между В. И. и Степняком-Кравчинским помещена в недавно вышедшей интересной книжке «Группа «Освобождения Труда». *Л. Ф.*) дала блестящий образец литературной полемики и в то же время лучшую критику террора, какая имеется в нашей социал-демократической литературе.

В. И. Засулич приняла горячее участие в создании также популярного издания, предназначавшегося для рабочих группой «Освобождение Труда».

Я говорю здесь о периодическом сборнике «Работник», который был выпущен в 1896 г., № 1—2, № 3—4 в 1897 году, № 5 в 1899 году и листок «Работник» № 1—8 в 1896—1898 годах.

Условия деятельности группы «Освобождения Труда» были весьма неблагоприятны во всех отношениях.

После ареста Л. Г. Дейча, а это произошло в 1884 году во Фрейбурге, в Германии, связи с Россией все более и более начинают ослабевать, а, следовательно, задерживаться и распространение изданий группы в России, так как Дейч являлся самой крупной организаторской силой группы.

Но несмотря на это, «микроб марксизма» все более и более внедрялся в сознание революционной молодежи, особенно обучавшейся за границей и возвращавшейся потом в Россию.

Влияние группы, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, росло с каждым годом. И ее издания, как журнал «Социал-демократ» и др. брошюры, делали свое огромное дело среди революционной молодежи и даже передовых рабочих.

Многие деятели конца 80 и 90 годов прошлого столетия своим социал-демократическим развитием были обязаны идеям группы, рассеянным в ее изданиях, а следовательно, и статьях, в том числе и В. Засулич.

Значение группы возрастало и в международном отношении, особенно после Парижского международного конгресса, на котором Плеханов произнес свои пророческие слова о том, что революционное движение в России восторжествует, как движение рабочих, или никогда не восторжествует.

В России возникшие в отдельных городах социал-демократические кружки еще с 80 годов, ведшие пропаганду среди рабочего класса, росли, как грибы после дождя, начиная с 1890 года.

90 годы, как известно, были расцветом стачечного рабочего движения.

Старая «внеклассовая» интеллигенция, шедшая под знаменем народничества, совершенно растерялась, особенно под влиянием всесокрушаю-

щей критики группы «Освобождение Труда», вскрывшей ее «внеклассовость» и указавшей на ее мелко-буржуазную сущность и нежизненность, как промежуточной социальной группы.

Критика идей народничества составляет неувядаемую славу группы «Освобождение Труда». И эта критика была произведена не только в изданиях группы ее членами, но и в возникавших в России во второй половине 90 годов журналах.

В марксистском журнале «Новое Слово» из членов группы, кроме Г. В. Плеханова, писавшего под разными псевдонимами, писала и В. И. Засулич.

Она поместила в журнале две статьи под псевдонимом В. Иванова.

В одной статье, под заглавием «Крепостная подкладка прогрессивных речей», она вскрывает классовый характер героев когда-то очень известной повести В. А. Слепцова «Трудное время», а в другой статье «Плохая выдумка» она вскрывала ложь и выдумку о марксистах в романе П. Д. Боборыкина.

В 1889 году она выпускает в Петрограде свое известное исследование о Жан Жаке Руссо под псевдонимом Н. Каренина, в котором она впервые для исследования идей этого демократа перед эпохой великой французской революции применяет строгий марксистский метод. Тот же метод она применяет в своем исследовании о Вольтере, кото-

рый выходит отдельным изданием в Петрограде уже в 1909 году под ее собственной фамилией.

Большинство написанных ею статей вышло в 2-томном издании в Петрограде в 1906 г.

Во время выхода ее исследования о Ж. Жаке Руссо, в 1899 году, В. И. Засулич почти целый год жила нелегально в Петрограде.

В это время за границей она состояла «членом лиги революционной социал-демократии». Вместе с Плехановым, Аксельродом и Д. Кольцовым (Гинзбургом), Дейчем и др. с 1892 года она состояла членом «Заграничного союза социал-демократов», но из него вышла вместе со своими друзьями по группе «Освобождения Труда», как только заметила уклон большинства союза в оппортунизм в форме так называемого «экономизма», состоявшего в том, что молодые товарищи из России, увлекшись стихийной стачечной борьбой, совершенно отказались от придания ей политического характера, полагаясь на буржуазию в борьбе с самодержавием. Это течение грозило рабочему движению большими осложнениями и подготовляло почву для деятельности буржуазии в рабочем классе, что и выражено было рельефно в появившемся тогда «Credo», составленным Кусковой, и рекомендовавшей рабочим только экономическую борьбу, а буржуазии отводившей политическую роль.

Такое извращение революционного марксизма, выхолащивание из него живой души, возмутило

членов группы «Освобождения Труда», весь смысл существования которой был в систематической и энергичной проповеди идей революционного марксизма, в том числе и идеи политической борьбы рабочего класса.

С приездом за границу В. И. Ульянова-Ленина, позиция группы «Освобождение Труда» в ее борьбе с «экономистами», сильно укрепилась.

Как известно, с декабря 1900 года начала выходить за границей большая политическая социал-демократическая газета «Искра» и при ней научный журнал «Заря», на платформе которых об'единились члены группы «Освобождения Труда» с В. И. Лениным, Мартовым и Потресовым, А. Н. (Старовером).

В этой газете «Искра» велась энергичная борьба с «экономизмом».

В. И. Засулич являлась членом редакции и писала по разным вопросам.

Вообще В. И. Засулич в годы существования «Искры» энергично отвечала на все вопросы, какие возникали тогда с ростом и развертыванием рабочего движения в России.

Ее статьи о южных забастовках в «Искре» 1903 г. были насыщены революционным марксизмом. Ее настроение этого времени было очень бодрое, и она радовалась всякому проявлению классовой борьбы.

В «Заре» она также помещала статьи, направленные против «идеалистов», вроде Бердяева и др.

Но вот собрался второй с'езд в Лондоне, на котором произошел раскол партии на большевиков и меньшевиков.

В. И. примкнула к меньшевикам.

Это было в 1903 году.

И с тех пор В. И. стала меньшевичкой, изменивши тем самым, незаметно для себя, идее революционного марксизма, талантливым выразителем которого она была до второго с'езда.

По иронии судьбы В. И. Засулич из непримиримого борца против всякого уклонения от революционного марксизма сама стала в ряды оппортунистов-примиренцев и соглашателей.

В эпоху первой русской революции, в 1905 г., В. И. Засулич приехала из Швейцарии в Россию и поселилась в Петрограде.

Во время борьбы с «ликвидаторами», проповедовавшими уничтожение «подполья» и организацию легальной партии, приспособленной к самодержавному режиму, В. И. Засулич, к сожалению, примыкала к «ликвидаторскому» крылу меньшевиков, а во время империалистической войны примкнула к оборонцам, что тоже не вязалось с тем светлым образом революционерки-марксистки, какой вставал у каждого, кто не на словах, а на деле боролся в рядах пролетариата за свержe-

ние буржуазного строя и установление социалистического строя.

Это только указывало, что силы революционные, заложенные в природе В. И., были исчерпаны в ее предшествующую до раскола в партии жизнь.

Но, несомненно, ликвидаторство взяло в плен В. И. Засулич благодаря тому, что она была оторвана в эти годы от масс... и была лишена возможности, благодаря интеллигентскому ее окружению, произвести анализ отлива и прилива революционных настроений в русском рабочем классе после первой разбитой русской революции 1905 года. И это было уже хорошей почвой, чтобы в годы войны воспринять ей то «оборончество», какое возглавлялось тогда ее старым другом Г. В. Плехановым, как известно, влиявшим на нее и в годы перевоплощения от народничества к марксизму. И понятно, В. И. Засулич, как человек, сказавший «а», должна была произнести и «б» и в годы революции 1917 — 18 г. естественно примкнула в группе «Единство», основанной Г. В. Плехановым. Это еще больше ее отодвинуло от революционного пролетариата, от массы, и бросило в лагерь от'единившейся от революционного пролетариата горсти озлобленных неудачников из мелко-буржуазной соглашательской интеллигенции. И это создало ту глубочайшую драму в душе В. И., которая одинаково с ней переживалась и Г. В. Плехановым в годы величайшей русской

пролетарской революции, предвестниками и первоучителями которой оба они были еще в 80 годах прошлого века.

Но, как бы то ни было, имя В. И. Засулич, окруженное ореолом героизма, никогда не исчезнет из истории рабочего движения в России, и исток ее революционной марксистской деятельности, полной энтузиазма, будет напоминать рабочему классу, что среди деятелей идей пролетарского социализма В. И. Засулич была в первых рядах, что она, в трудные годы гонения на марксизм, закладывала первая камни в тот фундамент, на котором теперь победивший рабочий класс в России строит величественное здание коммунизма.

Умерла В. И. Засулич в 1919 г. в Петрограде.

Список книг, послуживших материалами при составлении биографии В. И. Засулич.

Д. Рязанов.—„Г. В. Плеханов и группа „Освобождение Труда". 4-е изд. Москва, 1919 г.

Группа «Освобождение Труда», из архивов Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча.

«Воспоминания В. И. Засулич»—„Былое", 1919 г., кн. 14.

В. Богучарский.—„Активное народничество 70-х годов".

О. В. Аптекман.—„Общество „Земля и Воля" 70-х годов".

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, под редакцией Д. Рязанова, кн 1-я, Гос. Изд. Москва, 1924 г.

Л. Г. Дейч.—„Г. В. Плеханов".

М. Фроленко.—В. И. Засулич (из воспоминаний) „Каторга и Ссылка" № 3, за 1924 г.

Л. Федорченко.—Г. В. Плеханов. Журнал „Семь дней" за 1906 г., № 14.

Библиотека Рабоче-Крестьянской Молодежи

под общей редакцией МК РЛКСМ

Серия „ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА"

под ред. **А. И. Елизаровой и Ф. Кона**

орг. **П. Посвянский.**

Вышли из печати:

Ф. Кон —Из дней ранней юности. Вып. I. 102 стр. Ц. 35 коп.
Ф. Кон.—Арест и следствие. Вып. II. 68 стр. Ц. 25 коп.
Ф. Кон.—Суд над партией «Пролетариат». Вып. III.
Ф. Кон.—Этапом на каторгу. Вып IV. 127 стр. Ц. 40 коп.
Шотман.—Записки старого большевика. 79 стр. Ц. 25 коп.
А. Енукидзе.—Наши подпольные типографии. 108 стр. Ц. 35 коп.
Л. Б. Красин.—Дела давно минувших дней. 48 стр. Ц. 15 коп.
А. Петров.—Рабочий-большевик в подполье. 128 стр. Ц. 40 коп.
Л. Ступоченко.—В Брестские дни.
Ем. Ярославский.—Страничка воспоминаний (1905 г.).
А. И. Елизарова-Ульянова.—Воспоминания об Ильиче.

Находятся в печати:

Ф. Кон.—В каторге на Каре. Вып. V.
Николаев.—Воспоминания начальника боевой дружины (1905 г. на Пресне).
Шумяцкий—Революционная провинция. (Записки пролетария).

Готовятся к печати:

Клара Цеткин.—Автобиография.
Рябинов.—На положении провокатора.
Васильев.—«Окопная Правда».
Цветнов-Просвещенский.—В годы под'ема и реакции.
Пучков-Безродный.—Годы 1905—1914 г.
Н. Семашко.—Воспоминания.

„ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА".

Вышли из печати:

С. Е. Лион.—От пропаганды к террору. Вып. I.
С. Е. Лион.—Революционеры за полярным кругом. Вып. II.

Находятся в печати:

С. Е. Лион.—Морской пробег. Вып. III.
Янович.—Из воспоминаний шлиссельбуржца. (Пер. с польского).
П. А. Кропотнин.—Побег из крепости.

Готовятся к печати:

О. В. Аптекман.—Земля и воля.
М. Ф. Фроленко.—Хождение в народ.
Новорусский.—Шлиссельбург.

Библиотека Рабоче-Крестьянской Молодежи

под общей редакцией МК РЛКСМ

Серия „РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В БИОГРАФИЯХ"

под ред. Ф. Кона, Виленского-Сибирякова и А. В. Шестанова (Никодима)

орг. П. Посвянский.

Вышли из печати:

Н. Семашко.—Г. В. Плеханов. 45 стр. Ц. 20 коп.

В. Калашникова.—В. Володарский. 87 стр. Ц. 35 коп.

Ю. Канарский-Мошинский.—Наши подпольщики (Радин и Дубровинский) 41 стр. Ц. 20 коп.

Э. Давидов.—Рабочий-революционер Моисеенко.

Жуковский-Жук.—Валерьян Осинский.

Федорченко-Чаров.—Софья Перовская.

Вера Фигнер.—Александр Михайлов.

Находятся в печати:

Мошинский.—Вожди декабристов.

В. Калашникова.—В. Воровский.

Федорченко-Чаров.—Вера Засулич.

Мошинский.—Артем (Сергеев).

В. Калашникова.—Вера Николаевна Фигнер.

Орлов.—Рабочий Владыкин (Кот).

Готовятся к печати:

Б. Горев.—Герцен.

В. Полонский.—Нечаев.

Ф. Кон.—М. Л. Михайлов. (поэт).

Ф. Кон.—Гриневицкий.

Федорченко.—Софья Вардина.

П. Посвянский.—Ипполит Мышкин.

Э. Давидов.—Заславский.

Э. Давидов.—Северо-русский рабочий союз и его вожди. (Халтурин и пр.).

Калашникова.—Егор Сазонов.

Кордес.—Шанцер (Марат).

Севастий Талакадзе. Знаменосцы революционного движения Грузии. 2 вып.

Арташес Кеворкьян.—Шаумян.

А. Шестаков.—Московские дружинники.